

УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О СУЩНОСТИ СПЕКУЛЯТИВНОЙ МЫСЛИ.

Статья прив.-доц. И. А. Ильина (Москва).

I. О КОНКРЕТНОМЪ-ЭМПИРИЧЕСКОМЪ.

Первое и основное, что надлежитъ совершить каждому, стремящемуся адекватно понять и созерцательно усвоить философское учение Гегеля,—это уяснить себѣ его отношеніе къ конкретному эмпирическому міру. Учение о конкретномъ-эмпирическомъ опредѣляетъ сразу всю силу его спекулятивной мысли, все гениальное своеобразие его философскаго видѣнія, всю непомерность его основного заданія. Эта проблема стоитъ въ преддверіи его положительныхъ воззрѣній; сама по себѣ она служитъ лишь отрицательнымъ введеніемъ къ нимъ. Но если современное философствованіе должно возстановить непосредственное чувствованіе Гегелевой мысли, если оно стремится интуитивно жить вмѣстѣ съ творцомъ Феноменологіи Духа, если оно ищетъ той объективной, предметной логической интуиціи, которую онъ осуществилъ субъективно и научно, если, наконецъ, оно хочетъ установить свое преемство и найти поученіе въ прошломъ—то оно должно постигнуть прежде всего негативный паосъ спекулятивной философіи. Въ ученіи Гегеля этотъ паосъ отрицанія опредѣляется прежде всего и главнѣе всего черезъ его отношеніе къ конкретному-эмпирическому.

Идея о конкретномъ-эмпирическомъ мірѣ есть, можетъ быть, самое мало-осознанное, самое привычное и потому самое устойчивое изъ всего научнаго и обыденнаго содержанія, наследуемаго философіей. Представленіе объ этомъ реальномъ мірѣ единичныхъ, конечныхъ вещей, окружающихъ людей и включающихъ ихъ до извѣстной степени въ свой составъ, столь незамѣтно укореняется въ нихъ, до такой сте-

---

¹⁾ Эта статья содержитъ три главы, имѣющія войти въ подготовляемое къ печати изслѣдованіе о философскомъ ученіи Гегеля.

пени присуще имъ, настолько практически нужно и полезно имъ, что разстаться съ этимъ представленіемъ имъ кажется невозможнымъ. Съ этимъ представленіемъ они просыпаются и засыпаютъ, въ вѣрности его они ежеминутно убѣждаются, съ нимъ они приступаютъ къ построению эмпирической науки, при его помощи они успѣшно живутъ и пытаются вообразить себѣ свою смерть. Трудно измѣнить его въ чемъ-нибудь существенномъ; несостоятельность его не представляется имъ сколько-нибудь вѣроятной; коренная ломка его можетъ быть для большинства совсѣмъ не осуществима. То, что люди знаютъ—они знаютъ, повидимому, именно объ этомъ мѣрѣ нашего эмпирическаго представленія; ихъ наука—есть наука о немъ; ихъ «умъ»—есть умъ этого мѣра. Уйти отъ этого способа представленія, сойти съ этого ума, означало бы кажется сойти съ ума вообще. Эмпирической мѣрѣ имѣеть, повидимому, свои объективныя особенности, и въ приспособленіи къ этимъ особенностямъ слагается человѣческое представленіе о немъ, человѣческой способъ переживать его, познавать его, видѣть вещи и подходить къ нимъ.

Отъ этого-то способа философски видѣть вещи и понимать мѣрѣ Гегель въ естественномъ и незамѣтномъ развитіи души своей ушелъ навсегда, перестроивъ его радикально и органически. Послѣдствіемъ этого явилось то, что вмѣстѣ со способомъ пониманія измѣнился и самъ понимаемый предметъ; съ виду и для посторонняго взгляда все осталось тѣмъ же, но философское умозрѣніе отодвинуло эту постороннюю дѣлу видимость на подобающее ей мѣсто, утвердившись само, и притомъ не во исправленіе его, а въ полную философскую отмѣну его, какъ невѣрнаго, не подходящаго, искажающаго и вводящаго въ заблужденіе. Конкретное-эмпирическое было, такъ сказать, «отмѣнено» Гегелемъ и ликвидировано, не только какъ своеобразный способъ сознанія, познанія и объясненія вещей, но и какъ своего рода объективная реальность, соотвѣтствующая этому способу сознанія. Это дѣло является отрицательнымъ, но чрезвычайно существеннымъ этапомъ его философскаго пути.

Вступая на этотъ первый этапъ спекулятивнаго пути, необходимо имѣть въ виду, что словесный терминъ стоитъ у Гегеля всегда въ органической связи съ тѣмъ смысловымъ содержаніемъ, которое этимъ терминомъ закрѣпляется и передается. Гегель не только имѣеть въ виду нѣчто, адекватно соотвѣтствующее термину; онъ какъ бы мысленно созерцаетъ нѣкоторое реальное бытіе, событіе или отношеніе, которое обозначено этимъ словомъ; онъ точно выговариваетъ то самое, что видитъ въ предметѣ его зрячая мысль.

Терминъ «конкретный» происходитъ отъ латинскаго слова «соп-

crescere»; «crescere» означает «расти»; «concretere» — срастаться, возникать через сращение. Согласно этому, «конкретный» означает у Гегеля прежде всего «сращенный» ¹⁾. Конкретное неизмѣнно предносится ему, какъ нѣчто по самому существу своему не простое, не единообразное, не однотонное, не примитивное, не состоящее цѣликомъ изъ нѣкотораго единого первоначальнаго элемента, словомъ—не элементарно-первичное; но какъ нѣчто, образовавшееся изъ нѣкотораго множества элементовъ, или во всякомъ случаѣ изъ нѣкоторой двойственности. Для того, чтобы состоялось «сращение», необходима наличность по крайней мѣрѣ двухъ срастающихся началъ. Поэтому конкретное всегда мыслится Гегелемъ, какъ нѣчто сложно-сращенное, составное, возникшее изъ сочетанія нѣсколькихъ величинъ, началъ или элементовъ ²⁾. Конкретное потому и конкретно, что въ немъ соедини-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ и Кантъ говоритъ иногда о «Concretion»; срв., напр., *Kritik der Urtheilskraft*. Akad. Ausg. 1913. B. V. S. 377.

²⁾ Phän. 473. Niet. 337. 346. Log. II. 79. Log. III. 61. 78. 129. Enc. I. 331. 360. Enc. II. 301. Enc. III. 346. 394. Recht. 321—322. 428—429. Способъ цитации слѣдующій. Имѣется въ виду основное изданіе полного собранія сочиненій Гегеля: «Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten: D. Ph. Marheineke, D. I. Schulze, D. Ed. Gans, D. Lp. v. Henning, D. H. Hotho, D. K. Michelet, D. F. Förster. Verlag von Duncker und Humblot. Berlin. 1832—1845». Изданіе это раздѣляется на 18 томовъ, распределенныхъ въ 21 книгѣ. Къ этому присоединяется 19-й томъ, въ двухъ книгахъ, содержащій переписку Гегеля: «Briefe von und an Hegel. Herausgegeben von Karl Hegel. In zwei Theilen. Verlag von Duncker und Humblot. Leipzig. 1887». Далѣе имѣется въ виду томъ, изданный Ноолемъ: «Hegels Theologische Jugendschriften nach den Handschriften der Kgl. Bibliothek in Berlin, herausgegeben von Dr. Herman Nohl. Verlag von Mohr (Siebeck). Tübingen. 1907». Имѣются въ виду также два трактата, изданные Моллатомъ: 1) *System der Sittlichkeit*. Aus dem handschriftlichen Nachlasse des Verfassers herausgegeben von Dr. Georg Mollat. Verlag von Zickfeldt. Osterwieck Harz. 1893. 2) *Kritik der Verfassung Deutschlands*. Herausg. von Dr. Georg Mollat. Verlag von Fisher und Co. Kassel. 1893. Наконецъ, имѣются въ виду всѣ отрывки, стихотворенія и документы, сообщенные Розенкранцемъ, въ его «Georg Wilhelm Friedrich Hegels Leben beschrieben durch Karl Rosenkranz. Verlag von Duncker und Humblot. Berlin. 1844». Не все въ этихъ текстахъ, носящихъ авторское имя Гегеля, принадлежитъ дѣйствительно его перу. Такъ, помѣщенная Михелетомъ въ первомъ томѣ полного собранія сочиненій статья подъ заглавіемъ: «Ueber das Verhältniß der Naturphilosophie zur Philosophie überhaupt, не принадлежитъ Гегелю, что явствуетъ изъ curriculum vitae, составленнаго въ 1804 году самимъ Гегелемъ и приведеннаго у Nohl S. VIII—IX., а также изъ открытаго заявленія Шеллинга, издававшего вмѣстѣ съ Гегелемъ *Kritisches Journal* (см. текстъ письма Шеллинга въ полемической брошюрѣ Michelet. Schelling und Hegel. S. 6. 7). Точно такъ же неправильно приписывается Гегелю рецензія «Ueber Friedrich Heinrich Jacobi's Werke. Erster Band etc», напечатанная Фр. фонъ-Мейеромъ въ № 50 *Heidelbergsche Jahrbücher der Literatur* за 1813 годъ и включенная въ 16-й

лось, сочеталось, смѣшалось, сраслось множество составныхъ частей. Поэтому конкретное имѣеть въ себѣ всегда много сторонъ; оно много-

томъ полнаго собранія сочиненій Гегеля, вслѣдствіе недостаточной освѣдомленности редакторовъ этого тома Фёрстера и Боумана. Наконецъ, не могутъ быть признаны строго аутентичными всѣ тѣ добавленія (Zusätze), которыя были включены учениками Гегеля въ его Энциклопедію и Философію права; текстъ этихъ добавленій составленъ по большей части на основаніи записей, сдѣланныхъ различными учениками Гегеля въ разные годы на его лекціяхъ; педагогическая и экспликативная задача лекцій, устное изложеніе съ его часто неточными и случайными оборотами и выраженіями, неустойчивый и не всегда достаточно высокій уровень пониманія у записывавшихъ, дѣлаеть эти добавленія мало надежнымъ источникомъ; къ тому же одни изъ нихъ (напр. Гансъ) признаются, что выборъ словъ (Auswahl der Worte) принадлежитъ не Гегелю, а редактору; другіе (Фонъ Хеннингъ) прямо заявляютъ, что не стремились къ «дипломатической точности» и не стѣснялись пополнять дефекты по собственной памяти (aus seiner Erinnerung zu vervollständigen). Все это заставляеть относиться съ осторожностью не только къ «добавленіямъ», но и ко всѣмъ лекціонно изложеннымъ и обработаннымъ частямъ ученія. Нельзя не подивиться на отсутствіе критической осторожности и литературно-философскаго такта у тѣхъ изъ учениковъ Гегеля, которые не сочли нужнымъ выдѣлить въ лекціонныхъ курсахъ оригинальное и автентическое отъ собственныхъ дополненій и привнесеній. По этимъ же мотивамъ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью текстами, изданными Моллатомъ, который съ простодушной наивностью рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ предисловій (Kritik der Verfassung Deutschlands, S. VI), какъ мало значенія онъ придавалъ «вѣрности первоисточнику» (urkundliche Genauigkeit) и какъ онъ не стѣнялся «попросту исправлять погрѣшности противъ смысла», встрѣчавшіяся имъ въ рукописи Гегеля. Всюду, гдѣ приводится текстъ добавленій, это обозначено буквою (Z.). Въ ссылкахъ приняты слѣдующія условныя обозначенія (порядокъ хронологическій):

Фрагменты и матеріалы, помѣщенные въ книгѣ Розенкранца,	обозначаются черезъ	«Ros».
Hegels Theologische Jugenschriften, herausg. von Nohl .		«Nohl.»
Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems,		
Werke B. I.		«Dif.»
Dissertatio philosophica de orbitis planetarum, Werke		
B. XVI.		«Diss.»
Ueber das Wesen der philosophischen Kritik, Werke B. XVI .		«Krit.»
Wie der gemeine Menschenverstand die Philosophie nehme,		
Werke B. XVI		«Krug.»
Verhältnis des Skepticismus zur Philosophie, Werke		
B. XVI.		«Skept.»
Glauben und Wissen, Werke B. I.		«Glaub.»
System der Sittlichkeit, Herausg. von Mollat		«Mollat I»
Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Na-		
turrechts		«W. Beh.»
Phänomenologie des Geistes		«Phän.»
Kritik der Verfassung Deutschlands, herausg. von Mollat .		«Mollat II»

сторонне, многообразно, многообразно ¹⁾; въ себѣ самомъ, въ своихъ предѣлахъ, внутри себя оно сложно; сочетающіеся въ немъ множественные элементы вступаютъ другъ съ другомъ въ различныя отношенія, относятся другъ къ другу, сочетаются другъ съ другомъ ²⁾. Конкретность есть слѣдовательно начало синтеза, начало синтетическое; конкретное содержитъ въ себѣ многое, синтетически сочетавшееся ³⁾.

Fünf Gymnasialreden, geh. zu Nürnberg, Werke B. XVI	«Gymn.»
Aus einem Briefe Hegels an Niethammer	«Nieth.»
Wissenschaft der Logik Erster Theil, Werke B. III	«Log. I»
Wissenschaft der Logik Erster Theil, Werke B. IV	«Log. II»
Wissenschaft der Logik Zweiter Theil, Werke B. V	«Log. III»
Schreiben an den königlich preussischen Regierungsrath und Professor Fr. von Raumer	«Raum.»
Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grund- risse. Th. I. Die Logik	«Enc. I»
Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse Th. II. Vorlesungen über die Naturphilosophie	«Enc. II»
Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grund- risse Th. III. Die Philosophie des Geistes	«Enc. III»
Kritik über F. H. Jacobi's Werke. Dritter Band, Werke B. XVII	«Jac.»
Beurtheilung der im Druck erschienenen Verhandlungen in der Versammlung der Landstände des Königreichs Württemberg. Werke B. XVI	«Würt.»
Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, Zweiter Band, Werke B. XV	«Gesch. II»
Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse, Werke B. VIII	«Recht.»
Vorlesungen über die Philosophie der Religion, Erster Band, Werke B. XI	«Rel. I»
Vorrede zu Hinrichs Religionsphilosophie, Werke B. XVII	«Hinr.»
Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Werke B. IX	«Ph. G.»
Wer denkt abstrakt? Werke B. XVII	«Abs.»
Recension der Schrift «Ueber die unter dem Namen Bha- gavad-Gita.». Werke B. XVI	«Bha»
Kritik über «Aphorismen über Nichtwissen...» von K. F. Göschel, Werke B. XVII	«Gösch.»
Kritik über «Der Idealrealismus... von L. J. Ohlert». Werke B. XVII	«Ohl.»
Recension der Schrift «Ueber die Grundlage...» von J. Görres, Werke B. XVII	«Görr.»

¹⁾ Log. I. 69. 114. 401. Log. II. 101. 102. 103. Log. III. 127. 282. 293. 306. Enc. III. 145. Recht. 161. 192. 382.

²⁾ Log. I. 70. 114.

³⁾ Log. I. 69. Log. III. 161. Enc. III. 296. 318. Recht. 207. 256.

Поэтому оно не бессодержательно, но содержательно; конкретное есть нѣчто, наполненное опредѣленнымъ содержаніемъ ¹⁾ и притомъ, можетъ быть, своимъ, особымъ содержаніемъ, специально, специфически опредѣленнымъ ²⁾; именно это послѣднее свойство его и даетъ основаніе говорить въ обычной логикѣ о большей конкретности видового понятія по сравненію съ родовымъ и, далѣе, сблизать конкретное съ индивидуальнымъ, говоря о низшей ступени въ классификаціи понятій ³⁾.

Понятно, наконецъ, что конкретное, какъ составное, сложное, синтетически содержательное, есть нѣчто, могущее быть разложеннымъ на свои составные элементы; нѣчто, поддающееся анализу и расчлененію, хотя бы уже въ процессѣ познанія ⁴⁾. Синтезу противостоитъ анализъ, сочетанію—разложеніе, сращенію—разъединеніе. На ряду съ терминномъ «concret», Гегель пользуется выраженіями «die Concretion» ⁵⁾, «congresciren» ⁶⁾, «ein Convolut» ⁷⁾ (отъ convolvere—сваливать, скатывать, смѣшивать) и соотвѣтственно противопоставляетъ имъ по смыслу то, что «дискретно» ⁸⁾.

Итакъ, конкретно то, что представляетъ собою единство, сложившееся, сросшееся изъ множества.

Понятно, что эти основные признаки конкретности должны обнаружиться и въ конкретномъ эмпирическомъ. Однако въ такомъ значеніи и съ такими чертами, которыя дѣлаютъ его философски неприемлемой средою.

Конкретное эмпирическое есть нѣчто въ своемъ родѣ сущее (Sein), нѣкая реальность (Realität), дѣйствительность (Wirklichkeit), нѣчто существующее (Existenz), нѣкоторое бываніе (Dasein) ⁹⁾. Въ

¹⁾ Phän. 22. 24. 45. Log. I. 33. 130. 192. Log. II. 99. Log. III. 18. 26. 27. 40. 68. 170. 279. Enc. I. XII. 169. Enc. III. 333. Phg. 20. Görr. 275.

²⁾ Log. I. 274. 401.

³⁾ Это послѣднее пониманіе ведетъ свое начало повидимому еще отъ Дунса Скотта и въ особенности отъ его учениковъ; однако для Гегеля оно не характерно, хотя и у него всплываетъ иногда по несущественнымъ поводамъ, въ ориентирующихъ замѣчаніяхъ и разъясненіяхъ.

⁴⁾ Log. III. 281. Enc. II. 137. Recht. 256.

⁵⁾ См. напр. Phän. 473. Log. I. 8. Log. III. 40. 126. 27. 170. 261. Enc. II. 149.

⁶⁾ Срв. напр. Mollat II. 27.

⁷⁾ Срв. напр. W. Beh. 375. Enc. III. 145.

⁸⁾ Срв. напр. Log. III. 282.

⁹⁾ Срв. W. Beh. 333. 336. 344. Phän. 27. 82. 241. 256; Glaub. 8. 10. 11. 125. 126. 127. W. Beh. 373. 375. Phän. 82. Log. I. 30. 115. Log. III. 50. 267; Glaub. 5. 84. 99. 111. 113. 119. Phän. 189. 256. 335. 423. 432. 524. Log. II. 208. Enc. I. 24; Log. I. 31. 103. Log. II. 155. Recht. 60. 80; Diff. 198. Glaub. 7. 8. Phän. 27. Log. I. 15. 115. 149. 150. 171. Log. II. 125. Log. III. 19. Recht. 76. 153. 159.

своемъ цѣломъ эта реальность образуетъ нѣкій міръ, цѣлый міръ вещей (Dinge, Sachen), существованій (Existenzen), реальностей,—«объективный» міръ, царство «объективности» ¹⁾. Этотъ реальный объективный міръ есть даже конкретный міръ, но только эмпирически-конкретный.

Въ качествѣ конкретнаго этотъ міръ представляетъ собою нѣкоторое множество, многочисленность (Menge ²⁾ Vielheit) ³⁾; своего рода совокупность или массу ⁴⁾, плюралистически опредѣленную въ своемъ составѣ. И сама по себѣ и въ своихъ элементахъ эта совокупность многообразна (mannigfaltig), многосложна (vielfach) и многораздѣльна; каждая часть ея имѣетъ много свойствъ, много особыхъ сторонъ, особенныхъ опредѣленій; каждый элементъ ея стоитъ въ многообразныхъ связяхъ съ другими элементами, окруженъ многообразными фактическими обстоятельствами, создающими для него множество послѣдствій и возможностей ⁵⁾. Всѣ эти стороны, части и обстоятельства, сложно переплетенныя и взаимодействующія, образуютъ безконечно раздѣляющуюся и раздробляющуюся массу событій, какое-то неопредѣленное, не имѣющее конца и границъ, безмѣрное, непомерно огромное множество существованій и бываній ⁶⁾. Это есть свиду безграничное, хотя и хаотическое, изобиліе реальности и соотвѣтственно необъятное, непредставимое богатство познавательнаго матеріала ⁷⁾.

Таково конкретное эмпирическое свиду. Но только свиду. На самомъ же дѣлѣ конкретность этого міра есть мнимая, а эмпирической характеръ ея оказывается для нея роковымъ. Напрасно было бы увлекаться этой реальностью и ея богатствомъ; анализъ показываетъ

Необходимо имѣть въ виду, что всѣ эти опредѣленія конкретнаго-эмпирическаго произносятся Гегелемъ обычно съ тайной ироніей, а иногда и съ явнымъ пренебреженіемъ. Срв. напр. Glaub. 101.

¹⁾ См. Phän. 82. 83. 422. Log. II. 208. Enc. I. 111; Glaub. 98. 104. Log. III. 323. Recht. 60. 62. 153.

²⁾ Krug. 64. Glaub. 139. 152. W. Beh. 336. Log. I. 15. Log. III. 126—127. Enc. II. 37. Enc. III. 460.

³⁾ W. Beh. 345. 377. 379. Phän. 332. 484. 501. Log. II. 208. Enc. III. 260. 459. 460.

⁴⁾ «Sammlung», «Masse». Glaub. 125. Log. II. 138.

⁵⁾ Diff. 224. 262. Glaub. 9. 11. 47. 124. 128. 129. 135. 139. 149. W. Beh. 333. 336. 344. 373. Phän. 484. Log. I. 335. Log. II. 3—4. 72. 113. 125. 208. Log. III. 19. 21. 29. 38—39. 45. 49. 78. 178. 323. 332. Enc. I. 230. 324. 398. Enc. III. 150. 263. 387. Recht. 156—157. 157. 159. 226.

⁶⁾ Diff. 162. Krug. 64. Glaub. 139. 152. 377. 377. Phän. 240. 484. Log. I. 15. Log. III. 126—127. 129. 136. Enc. III. 458. 459. 460. 460. Recht. 161. 263. 275. 280.

⁷⁾ Diff. 162. Phän. 73. 85. 185—186. Enc. I. 11—12. 18.

съ убѣдительною ясностью, что это за конкретность, какова ея судьба, и въ чемъ ея конецъ.

Если конкретное по существу есть «единство во множествѣ», то конкретное-эмпирическое есть множество, лишенное единства. Это множество вещей, ихъ сторонъ и свойствъ есть не болѣе, какъ простое собраніе, скопленіе, безсвязно накопившійся избытокъ, «das Auch der Materien» ¹⁾. Здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ простого многообразія («nur eine Mannigfaltigkeit») ²⁾, лишеннаго всякой объединенности («einheitslos») ³⁾; это настоящее царство разъединенія и безсвязности, элементы котораго стоятъ въ отношеніи равнодушной совмѣстности, въ отношеніи внѣшняго, безразличнаго, чисто количественнаго соприсутствія ⁴⁾. Здѣсь все расщеплено, разсыпано, разсѣяно («zerstreut», «zersplittert») ⁵⁾; все другъ другу чуждо, внѣшне; все застыло въ своей неподвижной мертвости и холодной чопорности ⁶⁾. Эту разъединенность эмпирически-конкретныхъ вещей Гегель и характеризуетъ, какъ «дис-кретность» и «абс-трактность» ⁷⁾. Каждая изъ нихъ утверждаетъ свое бытіе самостоятельно, про себя, въ отрывѣ отъ другихъ ⁸⁾. Міръ этотъ подобенъ міру атомовъ; ихъ безконечное множество образуетъ какъ бы песчаное море, отданное на волю играющаго вѣтра ⁹⁾: здѣсь жизнь—мертва, а движеніе—хотя бы и неустанное—слѣпо и хаотично.

Поэтому сфера конкретнаго-эмпирическаго есть міръ, самъ себѣ внутренне противоположный; его вещи не только отличны другъ отъ друга, но и «безконечно» различны ¹⁰⁾; онѣ вполне не одинаковы, онѣ расходятся, противостоятъ и противорѣчатъ одна другой ¹¹⁾. Каждая изъ этихъ вещей, имѣя на ряду съ собой и въ противопоставленіи себѣ безконечное множество другихъ,—оказывается чѣмъ-то во всѣхъ отно-

¹⁾ Log. II. 138.

²⁾ Glaub. 139.

³⁾ Glaub. 128. Log. II. 113. Log. III. 49.

⁴⁾ Phän. 189. Log. I. 335. Log. II. 72. 138. Log. III. 49. 86. 257. Enc. I. 324. Enc. II. 37. Enc. III. 119. Recht. 161.

⁵⁾ W. Beh. 349. Phän. 186.

⁶⁾ Phän. 162. 446. Log. II. 113. Log. III. 178. 313. Enc. I. 18. Enc. III. 123. 150. 259.

⁷⁾ т. е. «разъединенность, разлученность»; см. Phän. 446. 507. Enc. III. 317; Phän. 71. 507. Log. III. 86. 129.

⁸⁾ Glaub. 103. Log. III. 103.

⁹⁾ Glaub. 114. 152. Enc. I. 35. 36.

¹⁰⁾ W. Beh. 377. Phän. 501.

¹¹⁾ Diff. 224. W. Beh. 328. Log. II. 72. 125.

шеніяхъ «ограниченнымъ» ¹⁾, обусловленнымъ ²⁾ и конечнымъ ³⁾. Конкретное-эмпирическое есть царство конечнаго существованія ⁴⁾, «собрание конечныхъ дѣйствительностей» ⁵⁾; это худшая изъ разновидностей конечнаго, эмпирически-конечное бытіе, «die endliche Endlichkeit» ⁶⁾.

Вся эта сфера состоитъ изъ эмпирическихъ единичностей ⁷⁾, «только» единичныхъ, «абсолютно единичныхъ» вещей ⁸⁾; онѣ чужды всеобщему ⁹⁾ и тяготеютъ къ абстрактному состоянію, къ крайнему предѣлу отъединенія ¹⁰⁾, къ «сингулярности» ¹¹⁾. И всѣ эти «вполнѣ» индивидуальныя вещи ¹²⁾ отличаются безконечнымъ своеобразиемъ ¹³⁾ и неповторяемой особливостью свойствъ.

Это море конечно-единичныхъ вещей, ихъ свойствъ и составныхъ частей—есть не что иное, какъ внѣшній пространственно-временный міръ, цѣлесообразное и умѣлое ориентированіе въ которомъ многіе принимаютъ за самую сущность жизни. Вещи, входящія въ составъ этого міра внѣшней реальности, внѣшней дѣйствительности, внѣшняго бытія ¹⁴⁾, стоятъ равнодушно другъ внѣ друга, одна возлѣ другой ¹⁵⁾, въ пространствѣ, составляющемъ форму ихъ существованія и предопредѣляющемъ ихъ философскую судьбу: ибо то, что внѣшне другъ другу, есть тѣмъ самымъ нѣчто только эмпирическое ¹⁶⁾, не болѣе, чѣмъ внѣшняя конкретность ¹⁷⁾, т.-е. безконечное множество дискретныхъ

¹⁾ Diff. 198. Glaub. 49. 125. Krug. 64. Log. I. 102. 139. Enc. 113.

²⁾ Log. III. 120.

³⁾ Glaub. 9. 9. 11. 49. 57. 103. 104. 133. Phän. 432. Log. I. 137. 139. 149. 150. 171. Log. III. 120. Enc. I. 138. Enc. III. 117. 460. Hinr. 286.

⁴⁾ Glaub. 138.

⁵⁾ Glaub. 113.

⁶⁾ Срв. Glaub. 109., а также Glaub. 10. 126. Rel. I. 106—116. Hinr. 285.

⁷⁾ W. Beh. 404. Phän. 74. 85. 86. 97. 241. 260. 261. 335. 507. Gymn. 154. Log. I. 15. 171. Log. III. 20. 112. 113. 126. 136. 150. 154—155. 297. 332. Enc. I. 24. 260. 355. Enc. III. 258. 261—262. 460. Recht. 43. 90. 159. 161. 289. Bha. 421—422.

⁸⁾ Phän. 83. Log. III. 21. Recht. 290.

⁹⁾ Enc. I. 355 и др.

¹⁰⁾ Log. III. 129.

¹¹⁾ Log. III. 95.

¹²⁾ Glaub. 81. Phän. 83.

¹³⁾ Phän. 83. Log. I. 17. Recht. 224—225.

¹⁴⁾ Phän. 82. 83. 256. 435. 524. Log. I. 15. Log. II. 125. Log. III. 50. 50. 257. Enc. I. 113. Enc. III. 424. Recht. 44. 60. 80. 153. 157. Bha. 388.

¹⁵⁾ W. Beh. 349. Log. I. 248. Log. III. 49. срв. 267. 257. Enc. I. 35. 36. Enc. III. 150.

¹⁶⁾ Log. I. 418.

¹⁷⁾ Log. I. 8. Enc. I. 287. срв. Enc. III. 329.

единичностей. Но конкретно-эмпирический мир существует не только въ пространствѣ, но и во времени; и временность его, можетъ быть, еще пагубнѣе вліяетъ на его судьбу, чѣмъ пространственность. Если вещи, какъ пространственныя, стоятъ въ сосуществованіи (nebeneinander) другъ возлѣ друга, то, въ качествѣ временныхъ, онѣ стоятъ въ порядкѣ послѣдовательности (nacheinander, aufeinander folgend)¹⁾, слѣдуютъ одна за другой. Временное—подвержено эмпирическому процессу; это есть временная и преходящая вещь²⁾, не болѣе, чѣмъ временная и конечная матерія³⁾. Пространство и время, эти необходимыя формы конкретнаго-эмпирическаго, суть нѣчто совершенно дискретное и совершенно непрерывное⁴⁾. Но непрерывность эта отнюдь не спасаетъ ихъ отъ количественной дѣлимости, дробимости, раздробленности. Наоборотъ: и отсюда ихъ истинная природа не въ конкретности, а въ дискретности. Какъ пространственный, этотъ миръ безконечно дробится; какъ временный, онъ непрестанно мѣняется и, исчезая, гибнетъ. Это есть сфера измѣнчиваго⁵⁾, неустойчиваго⁶⁾, преходящаго и смертнаго⁷⁾; здѣсь всякая вещь надломлена⁸⁾; она несетъ въ себѣ зерно своей гибели, и часъ ея рожденія—есть часъ ея смерти⁹⁾. Эфемерность есть законъ этого міра и, если есть въ этихъ предѣлахъ что-нибудь неизмѣнное и вѣчное, то это обреченность его элементовъ на гибель и конецъ¹⁰⁾.

Такова онтологическая сущность конкретнаго-эмпирическаго.

Въ тѣснѣйшей связи съ его реальнымъ опредѣленіемъ стоитъ, далѣе, и его гносеологическій характеръ.

Проще всего было бы обозначить сферу этой низшей конкретности, какъ эмпирически воспринимаемую и изучаемую «природу». Гегель знаетъ между прочимъ и это опредѣленіе. Единичные¹¹⁾, преходящіе¹²⁾, многообразные факты внѣшней природы¹³⁾; естественное,

¹⁾ W. Beh. 349.

²⁾ Log. III. 175.

³⁾ Hinr. 286.

⁴⁾ Enc. III. 317.

⁵⁾ Log. II. 138. Enc. I. 24.

⁶⁾ Phän. 78. 79. 80.

⁷⁾ Log. I. 88. 139. Log. III. 78. 175. Enc. I. 113. 144. Enc. III. 180. 461. Recht. 17. 22.

⁸⁾ Log. II. 72.

⁹⁾ Log. I. 137—138.

¹⁰⁾ Срв. Log. I. 137. 138. 138.

¹¹⁾ Enc. III. 361—362.

¹²⁾ Enc. III. 461.

¹³⁾ Enc. I. 398.

природное существованіе ¹⁾; преднаходимая, преднайденная (vorg. funden) природа ²⁾—такъ характеризуетъ онъ иногда этотъ міръ эмпирическаго ³⁾ бытія и эмпирическаго знанія ⁴⁾, а тѣмъ самымъ и подходъ человѣческаго сознанія къ этому міру.

Конкретное-эмпирическое дается ⁵⁾ человѣческому сознанію апостеріори и непосредственно. Мы какъ бы «находимъ» этотъ міръ вещей въ готовомъ видѣ, уже состоявшимся, «преднаходимъ» его ⁶⁾; наивному, «естественному» познанію онъ дается, какъ первое ⁷⁾, какъ начальная основа ⁸⁾, какъ «абсолютная апостеріорность» ⁹⁾; онъ вступаетъ непосредственно въ нашу душу на подобіе того, какъ это происходитъ съ душою ребенка ¹⁰⁾.

Непосредственность, созерцаемость и чувственность — суть три основныя черты, характеризующія отношеніе человѣческаго сознанія къ міру конкретной эмпирии.

Отношеніе является непосредственнымъ тогда, когда относящіяся стороны состоятъ въ единствѣ ¹¹⁾, не суть взаимно другъ для друга нѣчто «иное», «чуждое», отдѣльное, нѣкое отличающееся инобытіе ¹²⁾. Въ «непосредственномъ отношеніи», собственно говоря, нѣтъ даже вовсе отношенія, ибо нѣтъ двухъ сторонъ, а есть единое, хотя можетъ быть и сложное, образованіе. Такое единство предмета и сознанія обнаруживается по Гегелю и на низшей ступени жизни духа и на высшей; въ первомъ случаѣ это эмпирическая непосредственность, во второмъ случаѣ—спекулятивная. Эмпирическая непосредственность есть наивное состояніе души, не сознавшей еще, что предметъ есть инобытіе, не обнаружившей еще, что между предметомъ и сознаніемъ лежитъ зияющій провалъ, условно выражаемый счисленіемъ «разъ два». При такой непосредственности «я» еще не нашло себя и живетъ въ «не-я» такъ, какъ если бы ничего и не могло быть, кромѣ этого.

¹⁾ Recht. 80. 95.

²⁾ Recht. 76.

³⁾ Glaub. 7. 8. 9. 10. 13. 17. 32. 84. 98. 99. 107—108. 124. 126. 128—129. 136. 143. 149. W. Beh. 328. 333. 336. 342. 343. 377. Log. I. 61. 93. 102. 103. 115. 335. 418. Log. III. 25. Enc. I. 24. 355. Enc. III. 458. 459. 460. 460. Bha. 414. 421—422. Ohl. 237.

⁴⁾ Срв. Gösch. 13.

⁵⁾ Diff. 195. 262. Log. III. 308. Enc. I. 398. 403. Recht. 290.

⁶⁾ Log. I. 171. Enc. I. 18. Recht. 72. 76.

⁷⁾ Log. III. 297.

⁸⁾ Enc. III. 294.

⁹⁾ Diff. 162.

¹⁰⁾ Срв. Gymn. 140.

¹¹⁾ Phän. 494.

¹²⁾ Срв. Phän. 79. 494. Log. I. 63. 200. 235. Enc. I. 19.

«не-я». Сознание утрачено въ предметѣ и еще не нашло себя—ни въ себѣ, ни въ предметѣ; строго говоря, оно даже еще не имѣетъ «не-я», ибо не имѣетъ и себя, не имѣетъ «я». Въ противоположность спекулятивной непосредственности, вырастающей уже послѣ раскола и въ результатѣ его исцѣленія, проходящей черезъ опосредствование и включающей его въ себя ¹⁾,—эмпирическая непосредственность сознанія живетъ всецѣло «до» опосредствования и безъ него ²⁾; поэтому она и образуетъ сферу первоначальной простоты ³⁾, «безсознательнаго покоя природы» ⁴⁾ и наивности.

Въ такомъ непосредственномъ отношеніи эмпирическое сознаніе стоитъ къ воспринимаемымъ душою многообразнымъ единичнымъ вещамъ ⁵⁾ пространственно-временной природы ⁶⁾ такъ, какъ если бы вся реальность принадлежала имъ, и кромѣ нихъ ничего не было. Эмпирическое сознаніе живетъ въ нихъ и ими, какъ высшей и несомнѣнной достовѣрностью ⁷⁾ и вслѣдствіе этого приковываетъ свою судьбу къ ихъ судьбѣ и выпиваетъ вмѣстѣ съ ними до дна чашу ничтожества и небытія. Вся сфера непосредственнаго существованія ⁸⁾ и непосредственныхъ представленій ⁹⁾ оказывается по существу своему лишь примитивной несущественностью ¹⁰⁾, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы уступить свое мѣсто высшей реальности и высшей формѣ сознанія.

Это непосредственное отношеніе сознанія къ эмпирическимъ вещамъ есть созерцаніе ¹¹⁾; однако, созерцаніе не въ лучшемъ и высшемъ спекулятивномъ смыслѣ, а въ низшемъ, банальномъ (*gemein*) ¹²⁾ значеніи, которое имѣлъ въ виду Кантъ, говоря о томъ, что предметъ дается черезъ эмпирическое созерцаніе ¹³⁾. Гегель, повидимому, наследуетъ отъ Канта идею о томъ, что «опытъ» имѣетъ двойной составъ: непосредственно-созерцательный и интеллектуально-мыслительный. Эта-

¹⁾ Напр. Phän. 17. 26. и мн. др.

²⁾ Срв., напр., Phän. 74. 79. Log. I. 61. 62. 74. 92. Особенно Enc. III. 319

³⁾ Phän. 15. 17. 73. 74. 579. Log. I. 74. 112.

⁴⁾ Phän. 359.

⁵⁾ Log. I. 171. Log. II. 113. Log. III. 103. 126—127. 136. 154—155. 178. Enc. I. 350. 355. 410. Enc. III. 361—362. Recht. 43. 81. 82. 85. 90. 289.

⁶⁾ Log. I. 8. Enc. II. 9. Enc. III. 117. 461. Recht. 44. 60. особ. 76. 80. 95. 153. Ph. G. 41.

⁷⁾ Срв. напр., Phän. 73—84. 131. 133. 417. 421.

⁸⁾ Log. II. 4. 69. Log. III. 103. 178. Enc. I. 410. Enc. III. 117. Recht. 44. 60. 62. 85. 94. 95. 153.

⁹⁾ Напр. Glaub. 98.

¹⁰⁾ Enc. I. 287.

¹¹⁾ Log. II. 155.

¹²⁾ Phän. 39.

¹³⁾ Kant. Kritik der reinen Vernunft. Ausg. B. Erdmann. 55. 65. 66 и др.

то опытная созерцательность, чуждая мысли ¹⁾, непосредственно-безсознательная ²⁾, слѣпо-довѣрчивая, бессмысленно погруженная въ «распадающуюся на многообразныя стороны единичность объекта» ³⁾, и характеризуетъ «познаніе» конкретнаго-эмпирическаго. Многообразное бытіе воспринимается «безконечнымъ множествомъ безконечно-разнообразно оформленныхъ созерцаній» ⁴⁾, по характеру своему всегда и неизмѣнно чувственныхъ ⁵⁾.

Эмпирическое бытіе въ отличіе отъ духовно-спекулятивнаго познается именно чувственнымъ путемъ. Это настолько существенно и характерно, что весь познаваемый объектъ—пространственно-временный міръ—оказывается чувственной реальностью, «чувственнымъ міромъ» ⁶⁾. «Существующій міръ, какъ чувственный... (существуетъ) для созерцанія» ⁷⁾. Чувственному предмету соотвѣтствуетъ и чувственное состояніе души, чувственное сознаніе ⁸⁾, исполненное чувственныхъ представленій ⁹⁾. Міръ единичныхъ вещей внѣ насъ воспринимается ¹⁰⁾ пятью чувствами; онъ ощущается (*Empfindung*) ¹¹⁾, осязается (*handgreiflich, mit der Hand begriffen*) ¹²⁾, зрится внѣшнимъ, отнюдь не внутреннимъ окомъ ¹³⁾; вещи этого міра могутъ быть указаны, показаны (*monstriren*) ¹⁴⁾: «вотъ здѣсь», «вотъ это», «вотъ теперь» ¹⁵⁾. Эмпирическія воспріятія и созерцанія, направленные на эти безконечныя «здѣсь» и «теперь», слагаются въ лучшемъ случаѣ лишь въ субъективныя ¹⁶⁾,

¹⁾ W. Beh. 404. Log. I. 103.

²⁾ Diff. 195.

³⁾ Enc. III. 318.

⁴⁾ W. Beh. 377. Log. III. 29.

⁵⁾ Срв. Phän. 34. 39. Log. II. 155. Log. III. 49. 332. Enc. I. 404. Enc. III. 258. Recht. 290. Hinr. 302 и др.

⁶⁾ Diff. 225. Glaub. 125. 137. 137. 138. 140. 144. Phän. 27. 189. 423. 423. Log. I. 30. 31. Log. III. 19. 267. 308. Enc. I. 113. 138. Enc. II. 271. Enc. III. 445. Bha. 421—422. Ohl. 236.

⁷⁾ Log. II. 155.

⁸⁾ Срв. Phän. 22. Log. I. 61. Enc. III. 257.

⁹⁾ Срв. Phän. 39. Log. I. 45.

¹⁰⁾ Срв. Glaub. 104. Phän. 332. Enc. I. 108. 410. Срв. Enc. II. 9.

¹¹⁾ Срв. Phän. 520. Log. III. 314. Enc. I. 107. Enc. II. 117. 143. Recht. 181. Bha. 414.

¹²⁾ Log. III. 19. 175.

¹³⁾ Log. III. 175.

¹⁴⁾ Log. III. 64. 95.

¹⁵⁾ Срв. Phän. 73. 74. 75. 82. 185. Log. III. 64. 95. Enc. I. 37. Enc. III. 258. Recht. 112.

¹⁶⁾ Log. III. 238. Enc. III. 361—362. Recht. 290.

чувственно-представляемая ¹⁾ явления ²⁾, поверхностныя и мимолетныя ³⁾. Бѣда, если духъ, соблазвившись иллюзіей этого, якобы строго-опредѣленнаго, «показыванія», признаетъ въ чувственномъ воспріятіи корень познавательной достовѣрности: «здѣсь» и «это» можно сказать про все, что въ пространствѣ; «теперь», произнесенное, уже унеслось въ потокъ времени, и на его мѣстѣ утвердилось на мигъ обманчивая личина новаго, тоже неуловимаго «теперь» ⁴⁾. Конкретное-эмпирическое, какъ предметъ познанія, непрестанно расплывается—и въ объектѣ и въ субъектѣ (и онтологически и гносеологически)—на многое множество ускользающихъ единичностей; каждая изъ этихъ чувственныхъ единичностей ⁵⁾ при первомъ же прикосновеніи сознанія дробится на новую серію индивидуальныхъ мелочей, и процессъ этотъ не имѣетъ конца ⁶⁾. Напрасно было бы пытаться описать этотъ вихрь, непрестанно перемѣшивающій всѣ атомы конечнаго бытія и чувственнаго сознанія: вещь, начатая описаніемъ, истлѣетъ (*vermodert*) прежде, чѣмъ описаніе будетъ закончено ⁷⁾; процессъ описанія будетъ неминуемо растягиваться въ безконечность: какъ бы далеко онъ ни продвинулся, достигнутое будетъ все не тѣмъ, что нужно. Конкретное-эмпирическое, какъ предметъ познанія, обнаруживаетъ въ себѣ нѣкое безконечное разсѣяніе (*Zerstreuung*) ⁸⁾, дѣлающее его неисчерпаемымъ и необозримымъ ⁹⁾. Всѣ элементы его непрозрачны ¹⁰⁾; здѣсь все глухо, смутно и перепутано ¹¹⁾. Конкретное-эмпирическое ирраціонально: оно не поддается раціонализаци; оно по самой сущности своей чуждо мысли, и въ этомъ корень его философской гибели.

Конкретное эмпирическое гибнетъ передъ лицомъ философіи именно потому, что оно всѣмъ своимъ существомъ инородно, гетерогенно мысли. Ибо философія есть прежде всего мысль и притомъ знающая мысль, и то, что непознаваемо и немислимо, и само не есть ни знаніе, ни мысль,—

¹⁾ Срв. Glaub. 81, 98. Особ. Phän. 39; Gymn. 154. Log. I. 45. Log. III. 19. 292. Recht. 43.

²⁾ Glaub. 11. 133. W. Beh. 379. Gymn. 154. Log. III. 20. 21. 238. 326. 326. Recht. 22. Hinr. 293.

³⁾ Log. III. 20.

⁴⁾ Срв. Phän. A. Bewusstsein. I. Die Sinnliche Gewissheit oder das Dieses und das Meinen, Phän. 73—84. Recht. 290. 290.

⁵⁾ Phän. 85. 86. 97. 335. Gymn. 154. Log. I. 171. Log. III. 21.

⁶⁾ Срв. Recht. 161. 275. 280.

⁷⁾ Срв. Phän. 83.

⁸⁾ Срв. Phän. 186.

⁹⁾ Phän. 185—186. Ohl. 236.

¹⁰⁾ Phän. 162.

¹¹⁾ Срв. Phän. 8. Recht. 275.

то безразлично, индифферентно для философіи. Безразлично, конечно, лишь до тѣхъ поръ, пока это инородное не становится на пути философской мысли, не посягаетъ, не узурпируетъ ея званія и ея дѣла, не провозглашаетъ себя вершиной знанія и достовѣрности. Тогда философія раскрываетъ съ очевидностью познавательное убожество пришлеца и видитъ въ этомъ отрицательномъ совершеніи дѣло высокой и серьезной важности: дѣло подготовляющаго катарсиса.

Но мысль требуетъ прежде всего законченной ясности и всеобщности. И въ этомъ она неукоснительна и не знаетъ компромиссовъ. Она не допускаетъ хаотической и случайной измѣнчивости, не терпитъ ссылокъ на бѣзконечный регрессъ, не имѣетъ дѣла съ неизслѣдимымъ и неисчерпаемымъ. Въ своемъ предметѣ она видитъ нѣчто опредѣленное, и въ своемъ устремленіи она движется завершающе и оформляюще. Въ этомъ ея сущность.

Но сущность конкретнаго-эмпирическаго состоитъ именно въ обратномъ. Бѣзконечно разсѣянное, необозримое, неисчерпаемое и даже неопиcуемое, и при всемъ томъ непрестанно мѣняющееся и хаотически перепутанное, оно не поддается законченно ясному формированію и потому не поддается мысли. Оно и не мыслится, а только чувственно созерцается. Его нельзя ни дедуцировать, ни конструировать ¹⁾, ни вообще понять, т.-е. объять духомъ ²⁾. Мысль мыслить лишь зачерпнутое, «попоятое» ³⁾; а въ составъ конкретнаго эмпирическаго входитъ не только то, что осталось незачерпнутымъ, но и вообще незачерпаемое и неисчерпаемое. Мысль не знаетъ бездонной шахты, изъ коей нѣтъ возврата; указаніе на бѣзконечную сложность можетъ смутить и затруднить мыслителя, но не измѣнить природу мысли. Однако, мысль требуетъ кромѣ того всеобщности; а въ мірѣ дискретной эмпириі все единично. И это дѣлаетъ его, такъ сказать, качественно недоступнымъ мысли. Если мысль и ухватитъ что-либо изъ чувственно-даннаго, то она ухватитъ это въ своей формѣ, которая ей присуща и имманентна: въ формѣ всеобщности. И это будетъ уже не то, что имѣлось налицо въ эмпирической данности. Помыслить «здѣсь» и «теперь» значитъ помыслить «здѣсь вообще» и «теперь вообще», а чувственное созерцаніе воспринимало «здѣсь въ частности» и «теперь въ частности» ⁴⁾ (напр., «сегодня, сейчасъ, восемь часовъ вечера»).

¹⁾ Krug 58. Phän. 78.

²⁾ Glaub. 119. 127. Log III. 175.

³⁾ Математика въ ученіи о «бѣзконечно-малыхъ» не могла бы составить исключенія, ибо мыслить не самое бѣзконечное, а сущность своего, незакончивающаго предметъ, метода.

⁴⁾ Срв. Phän. 73—84 и слѣд. главы.

Поэтому понятие и чувственная единичность гетерогенны; конкретное эмпирическое не может быть выражено в функции мысли и понятия; и эта невозможность является в его судьбѣ рѣшающей. Можно безъ конца опредѣлять его гранями мысли ¹⁾, безъ конца воспринимать его в понятие ²⁾, непрестанно (perennierend) приближаясь ³⁾ и не приходя ни къ чему: эмпирическое «все» (allheit)—недостижимо ⁴⁾; прочная абстрактная опредѣленность мысли затеривается в чувственной единичности ⁵⁾; и, в довершеніе всего, помысленное не имѣетъ эмпирической реальности, а эмпирически реальное остается не помысленнымъ, ибо бесконечно сложный матеріаль ⁶⁾ данной реальности—«редуцируется» разсудкомъ къ нѣкой существенной, но уже не реальной простотѣ ⁷⁾.

Вслѣдствіе этого чувственное знаніе—ощущеніе, созерцаніе, чувствованіе ⁸⁾—есть совершенно ненаучное знаніе ⁹⁾. Предметъ его есть міръ эмпирической случайности и произвола ¹⁰⁾; та внѣшняя, эмпирическая, банальная необходимость ¹¹⁾, которая, повидимому, в этомъ мірѣ обнаруживается, не имѣетъ никакой научной устойчивости и значенія: чувственный міръ—«противостоитъ всякой закономѣрности», ¹²⁾. Чувственная субъективная достовѣрность лишена всякой философской цѣнности; она ведетъ только къ ошибкамъ, иллюзіи и отчаянію ¹³⁾. Здѣсь нѣтъ истины ¹⁴⁾, ибо чувственный элементъ только омрачаетъ и заслоняетъ истину ¹⁵⁾, выдавая за нее свои безцвѣтныя, выдыхающіяся (schal) утвержденія ¹⁶⁾. Поэтому конкретно-эмпирическое можетъ быть предметомъ не знанія, а только мнѣнія: это есть нѣчто мнимое, мнимое знаніе, мнимое бытіе ¹⁷⁾. Однако, это мнѣніе и это мнимое настолько далеки отъ всякаго разумнаго подобія, что не могутъ быть даже выражены и

¹⁾ Срв. Glaub. 151. Recht. 279.

²⁾ W. Beh. 376.

³⁾ Récht. 280.

⁴⁾ Log. III. 98.

⁵⁾ Срв. Phän. 240.

⁶⁾ Срв. Phän. 423. Gymn. 140. Log. III. 19. 20. 49.

⁷⁾ Срв. Log. III. 20. Enc. I. 230.

⁸⁾ Recht. 181. Hinr. 302, срв. также Log. III. 21. Enc. I. 37.

⁹⁾ Phän. 39. срв. Enc. III. 157 (z.).

¹⁰⁾ Срв. Glaub. 8. 109. Phän. 520. Log. III. 238. Enc. I. 18. 24. III. 144. 287. Enc. III. 361—362. 424. Recht. 22. 126. 171. 172. Hinr. 298.

¹¹⁾ Glaub. 127, 128. 129. Recht. 159. 159.

¹²⁾ Phän. 207.

¹³⁾ Срв. Phän. 82. Enc. I. 144. Recht. 22.

¹⁴⁾ Log. III. 175. 238. Enc. I. 37. Enc. III. 295. 424. Recht. 22. Hinr. 298.

¹⁵⁾ Log. I. 250.

¹⁶⁾ Phän. 75.

¹⁷⁾ Срв. Phän. 83. 84. 85. 86. 241. 242. Recht. 22.

формулированы въ словахъ. Гегель твердо убѣжденъ, что языкъ есть орудіе и продуктъ разсудка, мышленія, мысли, и что слово при законо-мѣрномъ (не произвольномъ, какъ въ названіяхъ единичныхъ предме-товъ) использованіи «выговариваетъ только всеобщее» ¹⁾. Но такъ какъ конкретное-эмпирическое, и онтологически и «въ познаніи», есть только единичное и не можетъ стать всеобщимъ ²⁾,—то оно неизрѣченно (unaus-sprechlich, unsagbar) ³⁾. Изрѣченное же пребываетъ въ состояніи смутнаго броженія, ибо ясность дается лишь словомъ ⁴⁾.

Таковъ предѣльный пунктъ гносеологической несостоятель-ности конкретного эмпирическаго.

Теперь, можетъ быть, будетъ понятна та рѣзкость, съ которой Ге-гель произноситъ свой окончательный приговоръ надо всею сферою эмпи-рическаго бытія и чувственнаго познанія: этотъ приговоръ устанавли-ваетъ метафизическое ничтожество конкретного-эмпириче-скаго.

Вся эта сфера, весь этотъ своеобразный чувственный, простран-ственно-временный міръ единичныхъ случайныхъ вещей есть съ виду грандіозная, но по существу и по результатамъ жалкая и несо-стоятельная попытка отпасть отъ единственно подлиннаго божествен-наго средоточія всѣхъ элементовъ: начала чистой духовной спе-кулятивной мысли; отпасть и предпринять самоутвержденіе въ отрывѣ ⁵⁾—«выступить на периферію» (Баадеръ); «оторваться отъ свѣта или вселенской воли» (Шеллингъ); «объявить своеволие» (Достоевскіи). Но этотъ отрывъ и отпаденіе лишаютъ отпавшее разумности, духа и смысла. По выраженію Баадера: « $\odot$ превращается въ 0». Въ противопо-ставленіи разуму возможна только безразумность; въ отрывѣ отъ спе-кулятивной мысли возможно только слѣпое противоразуміе ⁶⁾. Поэтому конкретное эмпирическое лишено разума и духа: оно несоразмѣрно духу, покинуто имъ ⁷⁾ и влѣдствіе этого чуждо всего того, что харак-теризуетъ спекулятивную реальность (свободы, органичности, спекуля-тивнаго движенія и т. д.) ⁸⁾. Это міръ, остающійся по сю сторону

¹⁾ Log. I. 123. срв. Enc. I. 36. 37.

²⁾ Срв. Enc. I. 355. Enc. III. 390.

³⁾ Срв. Phän. 83. 83. 241. 242. Enc. I. 37. 172. Enc. III. 390.

⁴⁾ Enc. III 349 (Z.).

⁵⁾ Срв. Glaub. 103. Log. III. 103. Enc. I. 138.

⁶⁾ Срв. Glaub. 133. 137. 140. 144. W. Beh. 375. Phän. 226. 422. Log. III. 45. 50. 179. 238. 257. Enc. I. 138. 144.

⁷⁾ Срв. Phän. 22. 432. 520. Recht. 85.

⁸⁾ Срв. Phän. 388. Glaub. 144. Phän. 74.

(Diesseits) ¹⁾, низменно-банальный ²⁾, дурной ³⁾, лишенный всего прекрасного ⁴⁾. Мало того: лишенный своей реальнѣйшей сущности, оторванный отъ субстанціи ⁵⁾ и потому несущественный (wesenlos, unwesentlich) ⁶⁾.

Съ виду объективный и самостоятельный—онъ на самомъ дѣлѣ не объективенъ ⁷⁾ и не самостоятеленъ ⁸⁾. Съ виду единственный источникъ бытія, отъ котораго только и можетъ получить реальность отвлеченная мысль ⁹⁾, этотъ міръ на самомъ дѣлѣ въ корнѣ своемъ оторванъ отъ всякаго истиннаго бытія. Конкретное-эмпирическое не есть ни истинная, ни послѣдняя, ни абсолютная реальность ¹⁰⁾. Это есть нецѣнное (wertlos) ¹¹⁾, «неистинное бытіе» ¹²⁾, лишенное подлиннаго существованія. Конкретно-эмпирическое есть въ высшемъ смыслѣ слова—не бытіе ¹³⁾.

Что же можетъ быть незначительнѣе и ничтожнѣе ¹⁴⁾ этого небытія? Все мнимое богатство его—не впрокъ ему: это тотъ «панцирь тяжелый», который его «утопилъ». И чѣмъ непомѣрнѣе претензіи чувственнаго «міра», тѣмъ очевиднѣе становится его бѣдность ¹⁵⁾, безсодержательность ¹⁶⁾ и его суетная тщета (eitel) ¹⁷⁾. И каждый разъ, какъ мысль пытается удержать и познать любой изъ элементовъ его, она видитъ передъ собой призракъ, иллюзію (Schein) ¹⁸⁾ и убѣждается, что сущность этой красочной видимости ¹⁹⁾ есть ничто ²⁰⁾.

Вотъ почему первая задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы вскрыть и преодолѣть сущность этой низменной точки зрѣнія ²¹⁾; осво-

¹⁾ Phän. 8. 139—140. Hinr. 293.

²⁾ Glaub. 5. 8. 13. 98. 99. 99. 107—108. 112. 119. 125. 127. 143. Phän. 39. 417. Ohl. 237.

³⁾ Phän. 181.

⁴⁾ Enc. III. 446.

⁵⁾ Recht. 99.

⁶⁾ Phän. 432. Log. III. 257. Enc. I. 144. 287. 287. Recht. 22.

⁷⁾ Enc. III. 290.

⁸⁾ Bha. 424.

⁹⁾ Срв. Log. I. 93.

¹⁰⁾ Log. I. 171.

¹¹⁾ Log. I. 115. Log. III. 50.

¹²⁾ Log. III. 237—238.

¹³⁾ Срв. Log. I. 137. Log. III. 175. Enc. I. 228. 386. Enc. III. 150. Recht. 81—82.

¹⁴⁾ Срв. Phän. 82. Log. III. 178. 179. 325. 326. 326. Enc. I. 37. Enc. III. 340.

¹⁵⁾ Phän. 73.

¹⁶⁾ Enc. III. 424; срв. Glaub. 136. Phän. 73—84. Enc. I. 113.

¹⁷⁾ Hinr. 293.

¹⁸⁾ Enc. I. 144. Recht. 17.

¹⁹⁾ Phän. 139—140.

²⁰⁾ Glaub. 57. 133. W. Beh. 336. Log. III. 238.

²¹⁾ Log. III. 314.

бодиться отъ нея значить выйти изъ «царства мрака» ¹⁾, сложить цѣпи конечности и обреченности ²⁾, вступить на путь очищенія огнемъ мысли.

Можно принять безъ сомнѣнїя, что если бы нѣмецкій языкъ имѣлъ въ своемъ составѣ терминъ, соотвѣтствующій русскому слову «пошлость», то Гегель обозначилъ бы этотъ путь, какъ путь «катарсиса духа отъ пошлости». Въ этомъ восхожденїи отъ эмпирическаго безсмыслия къ спекулятивной мысли, отъ мнѣнїя къ знанїю, отъ единичнаго ко всеобщему, отъ дискретнаго къ конкретности, отъ души къ Духу, отъ животнаго состоянїя ³⁾ къ божественному—конкретное-эмпирическое свершаетъ свою судьбу: оно преодолевается во имя высшаго и исчезаетъ совершенно ⁴⁾, возвращаясь по слову Анаксимандра и Гегеля въ свою основу и сущность, единую и непреходящую.

Однако, путь этотъ не легокъ и не простъ. Сознанїю предстоятъ горы сосредоточеннаго, страдальческаго терпѣливаго труда надъ понятїемъ и въ понятїи ⁵⁾; ему предстоитъ воспринять послѣднїя сомнѣнїя, усомниться во всемъ своемъ содержанїи, пережить истинную вакханалїю сомнѣнїя ⁶⁾. И только изъ такого философскаго землетрясенїя можетъ произойти возрожденїе и обновленїе сознанїя... И первое, что предстоитъ ему, это—пройти черезъ формально-логическое чистилище.

II. ОБЪ АБСТРАКТНОМЪ-ФОРМАЛЬНОМЪ.

Конкретное-эмпирическое по своимъ основнымъ свойствамъ не можетъ быть предметомъ познанїя вообще и предметомъ философскаго познанїя въ особенности. Ему предстоитъ глубокое, все отвергающее и обновляющее перерожденїе. Его хаотичность должна встрѣтиться съ началомъ строгой мѣры и коснаго порядка; его неудержимая процессуальность должна или отпасть, или угаснуть съ водворенїемъ новой формы; его непосредственность увидитъ расколъ и осложненїе; чувственности его предстоитъ отмереть; единичности—претвориться во всеобщность. Однако, самой философїи невозможно взяться за это дѣло: философїя есть система совершеннаго знанїя, замкнутый кругъ полноцѣнныхъ идей; она не имѣетъ дѣла съ несовершеннымъ матеріаломъ и не подготавливаетъ его; она не знаетъ полуистинъ и не включаетъ въ себя

¹⁾ Log. III. 323.

²⁾ Срв. Glaub. 108—109.

³⁾ Срв. Enc. I. 107.

⁴⁾ Log. II. 72.

⁵⁾ «der Ernst, der Schmerz, die Geduld und Arbeit des Negativen» Phän. 15.

⁶⁾ Срв. Phän. 37.

незрѣлое. Поэтому между философией и чувственнымъ созерцаніемъ эмпирическихъ вещей оказывается нѣкоторая промежуточная сфера, очищающая и подготовляющая сознание и его предметъ; эта сфера составляетъ изъ эмпирическихъ наукъ, эмпирической философіи и обычной, т. наз. «формальной», логики, объединенныхъ одинаковымъ методологическимъ приѣмомъ построения и пониманія своего предмета. Приѣмъ этотъ или способъ обращенія съ познаваемымъ содержаніемъ и есть «формальная абстракція».

Вся эта группа низшихъ наукъ, или полу-наукъ, отнюдь не знаетъ или не признаетъ своего промежуточного или опосредствующаго значенія. Эмпирическіе изслѣдователи и формально-логическіе мыслители считаютъ свою задачу единственно научной, свои методологическіе приѣмы—окончательно вѣрными, свой предѣлъ—достигнутою вершиною. Но это совсѣмъ не значитъ, думаетъ Гегель, что таково объективное значеніе ихъ построеній и ихъ приѣмовъ. Наоборотъ: ихъ самооцѣнка есть не болѣе какъ посягательство; ихъ притязаніе есть претензія; ихъ дѣло измѣряется масштабомъ пригодности, но не истинности. Философское знаніе начинается именно тамъ, гдѣ они кончаютъ; свѣтъ загорается именно тамъ, гдѣ они слѣпнутъ; истина открывается именно тамъ, куда они загородили себѣ доступъ своими предразсудками.

Значеніе этихъ низшихъ наукъ, сущность ихъ познавательнаго подхода къ предмету и философскую неприемлемость всего умонаправленія Гегель формулируетъ съ удивительною зрѣлостью и глубиною. Все это объединяется и сосредоточивается вокругъ ученія объ абстрактномъ разсудочномъ или формальномъ.

Самымъ глубокимъ, кореннымъ порокомъ конкретнаго-эмпирическаго была его неспособность стать предметомъ мысли, мыслимымъ объектомъ и, слѣдовательно, предметомъ философскаго познанія. Что же, въ самомъ дѣлѣ, остается дѣлать мысли и знанію съ тѣмъ, что не мыслится и не знается? Таково это, съ виду гносеологическое, затрудненіе. Отсюда первая задача абстрактной среды—внести мыслимость въ низшую сферу эмпирии.

Абстрактное-формальное есть прежде всего мысль ¹⁾: субъективно—процессъ мышленія; предметно—мыслимое нѣчто. Можно было бы сказать, что здѣсь мѣняется самый органъ духа, служащій для обхожденія съ предметомъ; и подобно тому, какъ слухъ живетъ звукомъ и не слышитъ цвѣта, такъ мысль не созерцаетъ чувственно данность внѣшняго міра, но дѣлаетъ свое специфическое дѣло.

¹⁾ Срв. Moll. I. 46. Glaub. 68. W. Beh. 334. Phän. 26. 606. Niet. 345. 346. Log. III. 175 и мн. др.

Мысль есть вообще нѣчто абстрактное ¹⁾. Нужно, чтобы у того, кто начинает мыслить, «померкли сначала зрѣніе и слухъ»; чтобы онъ былъ «отвлеченъ отъ конкретнаго представленія и вовлеченъ во внутренній мракъ душевной ночи»; и чтобы онъ «въ этой средѣ научился видѣть, удерживать опредѣленія и различать» ²⁾. Абстрактное мышленіе есть уже внутренній процессъ, движеніе души въ самой себѣ и притомъ именно интеллектуальный процессъ, направленный на нѣчто интеллектуальное, мыслимое ³⁾; если угодно, на нѣчто «идеальное» ⁴⁾.

Въ этомъ состояніи душа отказывается отъ непосредственнаго слиянія съ непрерывнымъ потокомъ эмпирическихъ явленій, отъ созерцательнаго растворенія въ сложности и слитности конкретнаго эмпирическаго. Обнаруживается своеобразное тяготѣніе сознанія къ своему центру; оно отъединяется, собираетъ свои силы и противопоставляетъ себя чувственному непосредственному бытію ⁵⁾. Теперь оно уже не «въ немъ», а «внѣ его»; оно не живетъ «имъ», а вопрошаетъ «о немъ». Оно хочетъ отчета и опредѣленности; оно ищетъ простоты и устойчивости. Сознаніе видитъ «себя», свое «я» и противостоящій, данный ему предметъ. Эта «данность» есть не что иное, какъ конкретное-эмпирическое ⁶⁾. Оно есть первое, начальная основа, историческое начало всего дальнѣйшаго знанія ⁷⁾. Но въ этой данности все сплошно и перепутано. Охватить ее цѣликомъ нѣтъ возможности, ни въ глубину, ни въ ширину; она сама до крайности измѣнчива и непостоянна. И вотъ сознаніе вступаетъ на путь отрыва и задерживающей фиксаци. Таково рожденіе абстрактной мысли.

Въ этомъ и состоитъ основной смыслъ «абстрактнаго» («abs-traho» — «отвлекаю»): сознаніе разрываетъ живое, непосредственное цѣлое на части, куски, стороны, элементы или опредѣленія и оперируетъ, какъ съ объектомъ, съ этими, уже вполне новыми, предметными образованіями. Установивъ въ матеріалѣ какое-нибудь различіе ⁸⁾, сознаніе останавливается на немъ, и это есть первый актъ его — анализъ ⁹⁾. Въ ре-

¹⁾ Niet. 346.

²⁾ Срв. Niet. 345.

³⁾ Срв. Glaub. 36.

⁴⁾ Срв. напр. W. Beh. 336. 416. Enc. II. 222: «nur ideale Idealität».

⁵⁾ Срв. напр. Phän. 142.

⁶⁾ Срв. Phän. 185. Log. III. 20. 21. 308. Enc. III. 294—295. Enc. I. 403.

⁷⁾ См. тѣ же мѣста.

⁸⁾ Срв. особ. Glaub. 65. Phän. 434. Niet. 345. а также W. Beh. 357. Phän. 132. 329. Recht. 256.

⁹⁾ Срв. Glaub. 92. Phän. 329. Log. II. 31 и др.

зультатѣ анализа получается (классическій случай) нѣкоторая двойца ¹⁾, два отдѣльныхъ и взаимно различныхъ элемента, роль и участь которыхъ также различна.

Для того, чтобы получить нѣчто, поддающееся мышленію, сознание должно силою (*gewaltsam*) удержать ²⁾ одну изъ различныхъ сторонъ, сосредоточивая на ней свое вниманіе: только при этомъ условіи получится необходимая опредѣленность въ мышленіи. Другая же часть подвергается своеобразному «забвенію» ³⁾; душа дѣлаетъ усиліе, чтобы «затемнить и удалить» ⁴⁾ то, отъ чего отвлекается мыслимое; сознание не смотритъ на него ⁵⁾, вычеркиваетъ ⁶⁾, опускаетъ ⁷⁾, отрицаетъ ⁸⁾, негируетъ ⁹⁾, «отмысливаетъ» ¹⁰⁾, ибо считаетъ, что можетъ обойтись безъ него ¹¹⁾. Все это, конечно, съ тѣмъ, чтобы при первой же надобности возобновить вычеркнутое и найти въ немъ матеріаль для новыхъ абстракцій ¹²⁾. Но въ моментъ отвлеченія сознание смотритъ только на одну сторону ¹³⁾ и именно ее-то, какъ отвлеченную, абстрагированную, абстрактную, и удерживаетъ ¹⁴⁾.

Въ противоположность опускаемой сторонѣ, удерживаемая часть извлекается ¹⁵⁾, изолируется отъ связи съ другими элементами ¹⁶⁾ и полагается ¹⁷⁾ въ качествѣ содержанія абстракціи ¹⁸⁾. Въ результатѣ этого абстрактное оказывается всегда оторваннымъ, отдѣленнымъ, изолированнымъ и противопоставленнымъ ¹⁹⁾. Сознание цѣною неполноты,

¹⁾ Phän. 127.

²⁾ Срв. Enc. I. 178.

³⁾ «Vergessen» Dif. 256.

⁴⁾ «Verdunkeln und entfernen» Enc. I. 178.

⁵⁾ «Wegsehen» Phän. 163.

⁶⁾ «Abstreifen» Niet. 345—346.

⁷⁾ «Weglassen» Log. III. 19. 38. 38. Enc. II. 385.

⁸⁾ «Läugnen» Dif. 215.

⁹⁾ «Negieren» срв. Glaub. 65. 123. 125—6. 137. W. Beh. 370. Log. III. 38 и др.

¹⁰⁾ «Hinwegdenken» срв., напр., W. Beh. 334.

¹¹⁾ W. Beh. 408.

¹²⁾ Срв. Glaub. 126. Log. II. 31.

¹³⁾ Dif. 214. Abs. 405. 405.

¹⁴⁾ Срв. напр. Enc. I. 178.

¹⁵⁾ «Herausziehen», «herausheben», «herausnehmen» Glaub. 131. Phän. 185. Log. III. 21. Enc. I. 230. Recht. 161.

¹⁶⁾ Срв. Log. I. 86, а также Dif. 209. Glaub. 87. Log. I. 45. 124. Log. III. 32. 40. Recht. 27. 161.

¹⁷⁾ Срв., напр., W. Beh. 413.

¹⁸⁾ Log. III. 38.

¹⁹⁾ Срв., напр., Dif. 209. 213. Glaub. 19. 35. 131. W. Beh. 413. Log. I. 24. Log. III. 65.

лишенія ¹⁾ и ограниченія покушаетъ опредѣленность и мыслимость. Однако, нѣтъ сомнѣнiя, что именно въ этомъ обмѣнѣ оно вмѣстѣ съ полнотою предмета теряетъ и самую конкретно-эмпирическую данность. Такого изолированнаго отъ всѣхъ связей и взаимодействiй содержанiя, которое препарировано абстрактною мыслью, нигдѣ въ пространствѣ и во времени не существуетъ ²⁾. «Абстракція отдѣльной «стороны», какъ таковая, не имѣетъ существованiя» ³⁾: она «реальна», «дѣйствительна» только въ общей связи своей съ тѣмъ множествомъ эмпирическихъ обстоятельствъ и свойствъ ⁴⁾, отъ которыхъ она была отвлечена напряженiемъ сознанiя. Уже въ самомъ первомъ приступѣ къ мысли и знанiю конкретное эмпирическое разлагается на абстрактные элементы и гибнетъ; наука его не познаетъ и познать не можетъ ⁵⁾.

Поэтому «абстрагирующее мышленiе не слѣдуетъ разсматривать, какъ простое отодвиганiе въ сторону чувственнаго матерiала, который отъ этого» (будто бы) «не терпитъ ущерба въ своей реальности» ⁶⁾. Нѣтъ. «Подъ воздѣйствiемъ вторгающейся мысли бѣднѣетъ богатство безконечно многообразной природы; замираетъ ея весна, угасаютъ ея цвѣтныя игры. Все, что шумѣло въ ней жизнью, нѣмѣетъ и смолкаетъ въ тишинѣ мысли; напоенная теплотою полнота природы, слагающаяся въ тысячу разнообразно притягательныхъ чудесъ, превращается въ сухiя формы и безобразныя всеобщности, подобныя тусклому сѣверному туману» ⁷⁾. Мысль деформируетъ и дереализуетъ конкретное эмпирическое; она ликвидируетъ не только поэтическую слитную сложность его, но и его видимое безразличiе къ существенному и несущественному. Мысль ищетъ сущности и видитъ ее въ томъ, что устойчиво. Къ этой-то устойчивой сущности она и стремится свести (Reduktion) многообразную эмпирическую данность ⁸⁾ путемъ опущенiя одной ея части и сведенiя во единство другой ⁹⁾. Сходное, отвлеченное отъ несходнаго, при сравненiи совпадаетъ и мыслится, какъ единство ¹⁰⁾. Получается множество абстрактныхъ понятiй, имѣющихъ по закону формальной логики содержанiе и объемъ и стоящихъ другъ къ другу

¹⁾ Glaub. 17. 122.

²⁾ Срв. Phän. 25.

³⁾ Phän. 217.

⁴⁾ Срв. Phän. 26. 287. Log. I. 93. 228.

⁵⁾ Срв. Log. III. 298—300. Skept. 76.

⁶⁾ Log. III. 20.

⁷⁾ Enc. II. 12—13. (z).

⁸⁾ Log. III. 20.

⁹⁾ Гегель ставитъ здѣсь вмѣсто «и»—небрежное «или» см. Enc. I. 230. Niet-345—346.

¹⁰⁾ Срв. Enc. III. 230. 330.

въ отношеніи рода, вида, подчиненія и соподчиненія. Содержаніе этихъ абстрактныхъ понятій разсудочное мышленіе и принимаетъ за истинную аристократическую сущность эмпирическихъ явленій ¹⁾, а самимъ явленіямъ предоставляетъ толпиться въ нижнемъ этажѣ объема.

Основное свойство этихъ «понятій» въ томъ, что они—всеобщіи. «Мыслить эмпирической міръ, значитъ... существенно измѣнять его эмпирическую форму и превращать его въ нѣчто всеобщее» ²⁾; всеобщность же эта, далекая отъ того, что Гегель называетъ истинной, спекулятивной всеобщностью, состоитъ лишь въ томъ, что выдѣленное мыслью свойство присуще (или «обще») многимъ (или всѣмъ) вещамъ эмпирическаго міра и можетъ быть поэтому придано имъ въ качествѣ предиката ³⁾. Однако, этотъ родовой признакъ, присутствуя во многихъ (или во всѣхъ) элементахъ объема, въ то же время мыслится отдѣльно отъ подчиненной сферы; онъ свободенъ отъ нея ⁴⁾; онъ самъ по себѣ ⁵⁾; онъ образуетъ самостоятельное ⁶⁾ мыслимое нѣчто, абстрактное единство ⁷⁾, нѣчто абсолютное ⁸⁾ (отъ *absolvo*), т.-е. отвязанное, отрѣшенное. Абстрактное-формальное отнюдь не сливается съ множественнымъ единичнымъ и не тождественно ему ⁹⁾. Оно привносится къ нему извнѣ, какъ «инобытіе» къ «инобытію» ¹⁰⁾. Примѣняется къ нему, относится къ нему, налагается на него ¹¹⁾, субсумируетъ его подъ себя ¹²⁾ и въ лучшемъ случаѣ погружается, нисходитъ въ него ¹³⁾, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно ему несоизмѣримо ¹⁴⁾; оно не можетъ ни исчерпать его, ни выразить.

Оторванное такимъ образомъ отъ конкретнаго единичнаго и предоставленное себѣ и своей специфической природѣ, абстрактное разсудочное мышленіе развертываетъ свой особый строй, свой порядокъ и свои особенности. Оно стремится къ тому, чтобы утвердить независи-

¹⁾ Срв., напр., *Log.* III. 292. *Enc.* III. 356.

²⁾ *Enc.* I. 108.

³⁾ Срв. *Log.* III. 96. *Phän.* 307. 308; а также *Log.* III. 64. *Enc.* I. 79.

⁴⁾ Срв., напр. *Phän.* 307. 308. 313 и др.

⁵⁾ Срв. *Glaub.* 71. *Phän.* 253.

⁶⁾ Срв. *Log.* I. 192. *Log.* III. 200. *Recht.* 352.

⁷⁾ *Dif.* 193. 287. *Glaub.* 44. *W. Beh.* 378. *Log.* I. 90. *Enc.* I. 386.

⁸⁾ Срв. *Glaub.* 36. *Log.* I. 63. 276. *Enc.* I. 230; срв. *Glaub.* 128—129.

⁹⁾ Срв. *Glaub.* 11. 39. 64—65. 92. 135—136. *W. Beh.* 345. 346. 357. *Phän.* 26. 97. 153. 163. *Log.* III. 60. 60—61. *Enc.* III. 257. *Bha.* 414. и др.

¹⁰⁾ Срв. *Phän.* 96—97. *Log.* III. 21. 61. *Enc.* I. 14.

¹¹⁾ Срв. *Phän.* 362. *Recht.* 46. *W. Beh.* 357. *Log.* III. 310.

¹²⁾ Срв. напр. *Log.* III. 73. *Enc.* III. 412. *Abs.* 404.

¹³⁾ *Phän.* 6.

¹⁴⁾ Срв. *Glaub.* 151. *Skept.* 76. *W. Beh.* 337. 375. 377. *Phän.* 240.

мость своихъ понятій отъ объема, отъ единичнаго, отъ случайнаго эмпирическаго матеріала. Мало того, что оно «вычеркиваетъ несходные, выдающіеся кусочки данности» ¹⁾, оно влечется всегда кверху: сбросить еще что-нибудь изъ балласта своего содержанія; отвлечься еще отъ какого-либо опредѣленія, подняться еще на одну ступень абстракціи. Сущность разсудочной абстракціи въ томъ, что она тяготѣетъ всегда къ возможно большому объему и возможно меньшему содержанію: ибо, если эмпирически данный матеріаль рѣшаетъ вопросъ объ устойчивости, а устойчивость (дурная всеобщность) ²⁾ опредѣляется, какъ индуктивная всюду-найденность, всѣмъ-подтвержденность; и если именно такая всеобщность и устойчивость есть критерій сущности и существенности (какъ въ этомъ убѣждена разсудочная наука);—то понятно, что основную сущность всѣхъ вещей разсудочная мысль будетъ искать въ томъ, что всего абстрактнѣе, въ самомъ абстрактномъ, самомъ безсодержательномъ ³⁾, но зато и самомъ «устойчивомъ» и «существенномъ». Это и есть то «нѣчто», «Etwas», на которое указываетъ Кантъ ⁴⁾, говоря о высшей абстракціи, и которому молится индійскій іоги, взывая къ Брамѣ ⁵⁾. Это есть—«формальная индифференція» ⁶⁾.

Имѣя въ виду такое тяготѣніе разсудочной мысли, Гегель и характеризуетъ создаваемую ею абстракцію, какъ нѣчто оторванное отъ содержанія, и потому неопредѣленное ⁷⁾ и формальное ⁸⁾. Добытое разложеніемъ, анализомъ, это есть своеобразное аналитическое единство ⁹⁾, знающее степени большей и меньшей абстрактности ¹⁰⁾, но не знающее предѣла въ отвлеченіи своемъ отъ содержанія ¹¹⁾, въ бѣгствѣ отъ него, какъ отъ стѣсняющаго и ограничивающаго ¹²⁾. Развѣ

¹⁾ Niet. 345—346.

²⁾ Срв. Phän. 190. Log. III. 96—98. 149—150. 292—293. 330.

³⁾ Срв. Glaub. II. W. Beh. 340. Log. I. 165. Enc. III. 251.

⁴⁾ Kant. Logik. Ausg. Kirchmann. 1869. s. 103.

⁵⁾ Срв. Bha. 392. 412. 413—426.

⁶⁾ W. Beh. 377; см. также другія раннія статьи Гегеля.

⁷⁾ «Unbestimmt», «bestimmungslos», «inhaltslos»; ср. Glaub. 34. 120. W. Beh. 350. 351. Phän. 217. 295—296. 563. Log. I. 270. Log. II. 4. Log. III. 60—61. 92. 120. 140. 200. 282. Enc. I. XXX. 73. 330. Enc. III. 208. 306. 460. Recht. 177. 178. 193. 207. Bha. 418. 419. и др.

⁸⁾ Срв. Glaub. 157. W. Beh. 409. 416. 422. Niet. 346. Log. III. 25. 32. 140. 143. Enc. I. 20. 157. 386. Enc. III. 251. Recht. 75. 150.

⁹⁾ Срв. Glaub. 92. Phän. 329. Log. I. 339. Log. II. 31. Log. III. 281. 281.

¹⁰⁾ Срв. Diss. 19. Krit. 44. Skept. 73. 109. 115. Glaub. 8. 11. 17. 38. W. Beh. 343. 360. Phän. 73. 451. Enc. III. 406.

¹¹⁾ W. Beh. 370.

¹²⁾ Recht. 38. 42.

только одна смерть была бы высшимъ, послѣднимъ отвлеченіемъ и отрѣшеніемъ ¹⁾). Въ то же время, какъ бы ни было отвлеченно понятіе, какое-нибудь содержаніе оно все-же имѣеть ²⁾). И въ этомъ-то, хотя бы и убогомъ, содержаніи своемъ оно по основному закону формальной логики тождественно само себѣ, «равно само себѣ» ³⁾); оно есть абстрактное и формальное тождество ⁴⁾), само себѣ внутренне не противорѣчащее ⁵⁾); неизмѣнное и потому *ad libitum* повторяемое ⁶⁾). Это мыслимое тождество не имѣеть въ себѣ различій и многообразія ⁷⁾); оно—отвлечено отъ многообразія и просто ⁸⁾). И какъ таковое,—оно не реально, не имѣеть дѣйствительности и существованія ⁹⁾), но, какъ уже сказано, приобщается реальности только черезъ единичныя эмпирическія вещи ¹⁰⁾); абстрактное-формальное есть — «*nur überhaupt seiend*» ¹¹⁾).

Вотъ изъ этихъ-то абстрактныхъ, формальныхъ понятій, нереальныхъ, тождественныхъ, мыслимыхъ единствъ и слагается корпусъ эмпирической науки, интересующейся ими въ ихъ содержаніи, и формальной логики, изслѣдующей ихъ форму. Построить понятія, отвлеченныя отъ эмпирической данности, въ классифицирующую систему по схемѣ *genus proximum et differentia specifica* ¹²⁾ такъ, чтобы содержаніе охватило и исчерпало эту данность—такова регулятивная (хотя «безконечная» и потому неосуществимая) идея эмпирической науки. Установить всеобщіе и неизмѣнные, а потому «абсолютные» законы, владѣющіе элементами этой абстрактной системы—понятіями, и ихъ взаимными отношеніями — такова задача формальной логики, осознанная и (по традиціонному воззрѣнію) чуть ли не разъ навсегда разрѣшенная еще Аристотелемъ. Если учесть еще «всеобщіе» и «необходимые» «законы природы», о которыхъ Гегель не любитъ говорить съ почтеніемъ и признаніемъ—то не стоитъ ли здѣсь мысль въ самомъ дѣлѣ предъ послѣдними, доступными человѣку, верши-

¹⁾ Срв. *W. Beh.* 392.

²⁾ *Recht.* 41.

³⁾ *Phän.* 86. 96. 185.

⁴⁾ Срв., напр., *Dif.* 255. *Glaub.* 118. 131. *Log.* II. 69. *Log.* III. 281. 306. 313. *Enc.* I. 230. *Enc.* II. 138. и др.

⁵⁾ Срв. *Enc.* I. 228.

⁶⁾ Срв. *Dif.* 193. *Phän.* 162.

⁷⁾ Срв. *Log.* III. 281. 306. *Enc.* I. 230. *Enc.* III. 264.

⁸⁾ *Phän.* 86. 86. 246. 446. *Gymn.* 144. *Niet.* 346. *Log.* I. 246. 249. *Log.* III. 298.

⁹⁾ Срв. *W. Beh.* 367. 367. 397. 409. *Phän.* 25. 26. 36. 108.

¹⁰⁾ Срв. *W. Beh.* 372. *Log.* I. 93.

¹¹⁾ *Phän.* 26.

¹²⁾ *Log.* III. 308.

нами знанія? При надлежаще-широкомъ пониманіи «эмпирической данности» — можетъ возникнуть вопросъ: въ чемъ же еще можетъ заключаться идеалъ научнаго знанія? Не все ли этимъ сказано

По убѣжденію Гегеля, лежащему въ самомъ основаніи всѣхъ остальныхъ его убѣжденій и всей его философской доктрины, истинная наука и истинная философія здѣсь еще не начинались. Ни о предметѣ ихъ, ни о задачѣ, ни о методѣ, ни объ идеалѣ познанія — здѣсь не сказано еще ни слова. Мало того, тотъ, кто отказывается представить себѣ иной предметъ и иной методъ научнаго познанія, тотъ вообще къ истинной научной философіи не причастенъ; онъ чуждъ ей настолько, насколько слѣпецъ чуждъ зрительнымъ воспріятіямъ или, выражаясь въ терминахъ «Критики Чистаго Разума», насколько дискурсивный разсудокъ чуждъ способностямъ интуитивнаго разсудка. Между чувственнымъ созерцаніемъ, абстрактно-эмпирической обработкой его данности и абстрактно-формальнымъ трактованіемъ добытыхъ понятій съ одной стороны, и спекулятивной философией Гегеля съ другой — лежитъ глубокое, существенное, качественное различіе: это разные способы познавательной жизни, различныя душевно-духовныя устремленія, въ корнѣ отличающіеся другъ отъ друга подходы къ вещамъ и къ знанію. Наука и философія Гегеля говорятъ не о томъ и не такъ, о чемъ и какъ говоритъ эмпирическая и формальная наука, а также выращенная ими философія.

Все это не значитъ, однако, чтобы Гегель отрицалъ за обычной наукой и логикой всякое значеніе; это должно быть уже понятно изъ предшествующаго. Но значеніе ихъ въ высшей степени ограничено, а дефекты ихъ научнаго метода настолько серьезны, что создаютъ въ философствованіи великія уклоненія и опасности.

Конкретное-эмпирическое противостоитъ философіи, какъ среда тупого безмыслія, какъ чуждый мысленной культуры хаосъ случайныхъ обстоятельствъ. Абстрактное формальное вноситъ въ эту сферу первую и элементарную культуру мысли. Эмпирическія науки, работывая въ чувственный матеріаль «всеобщія опредѣленія, родовыя понятія и законы», приготавливаютъ его для философіи ¹⁾. Онѣ очищаютъ его постепенно отъ данности и непосредственности ²⁾, поднимаютъ его къ абстрактной всеобщности ³⁾ и этимъ освобождаютъ отъ грубаго и варварскаго состоянія ⁴⁾. Въ этомъ разложеніи на элементы и въ выращиваніи мыслительной всеобщности лежитъ «абсолютная цѣнность»

¹⁾ Enc. I. 20.

²⁾ Enc. I. 20.

³⁾ Срв. Glaub. 103. Log. I. 87. Log. III. 61.

⁴⁾ Recht. 55.

образования ¹⁾). Такое приобщение чувственного материала абстрактному, съ одной стороны, ведетъ къ его упрощенію, къ претворенію его во что-то удобопонятное, понимаемое ²⁾), мыслимое, съ другой стороны—оно является подготовительнымъ приближеніемъ содержанія къ спекулятивному, къ Духу, своеобразнымъ одухотвореніемъ его ³⁾), огненнымъ крещеніемъ ⁴⁾). Сосредоточенная энергія понятія ⁵⁾ выковываетъ въ этомъ дѣлѣ основное философское орудіе: абстрактное мышленіе, т.-е. искусство удерживать чистыя мысли и, двигаясь въ нихъ ⁶⁾), измѣрять всю глубину ихъ различія ⁷⁾). Упражняясь въ этомъ дѣлѣ, душа человѣка отрывается отъ чувственной конкретности и научается жить въ понятіи и познавать черезъ понятіе ⁸⁾); она отучается отъ «безсмысленнаго представленія» ⁹⁾ и привыкаетъ къ созерцанію «чистыхъ пространствъ прозрачной мысли» ¹⁰⁾. На протяженіи этого педагогическаго и пропедевтическаго искуса въ ней дѣйствуетъ и ею владѣетъ «изумительнѣйшая и величайшая, или даже абсолютная сила»—разсудокъ или негативная энергія мысли ¹¹⁾). Разорвать слитную сопринадлежность матеріала, негативно отбросить большую часть его, убить его жизнь, создавать не живое, но уже мертвое абстрактное нѣчто, удержать это мертвое и превратить его во что-то самостоятельное, независимое ¹²⁾ и тождественно-устойчивое—для этого нужна поистинѣ колоссальная творческая сила; и дѣла ея говорить за себя сами.

Выполнить этотъ катарсисъ, окрестить и очистить душу огнемъ абстрактной мысли было задачей древняго міра ¹³⁾: Греціи—въ сферѣ философіи и Рима—въ области права. Но уже величайшій изъ греческихъ философовъ, Аристотель, видѣлъ болѣе высокую задачу и зналъ лучшее, истинное, спекулятивное философствованіе ¹⁴⁾). Идея новаго времени и состоитъ въ томъ, чтобы покончить съ разсудочной и прочной абстрактной мыслью, оживить эту долину смерти и покоя, привести ее

¹⁾ Срв. *Recht*. 55. 257.

²⁾ *Niet*. 346. *Log*. III. 298. *Enc*. II. 39. (z); ср. также *Enc*. III. 406.

³⁾ Срв. *Enc*. III. 294—295. 316. (z).

⁴⁾ «Befeuern» *Enc*. II. (z).

⁵⁾ «Der Ernst des Begriffs» *Phän*. 6.

⁶⁾ *Enc*. I. 7.

⁷⁾ Срв. *Log*. III. 49.

⁸⁾ Срв. *Log*. I. 45.

⁹⁾ *Phän*. 115.

¹⁰⁾ *Log*. III. 323.

¹¹⁾ Срв. *Phän*. 25. 26. 26. *Log*. III. 49.

¹²⁾ См. тамъ же.

¹³⁾ *Phän*. 27.

¹⁴⁾ *Enc*. I. XXVIII. *Gesch*. II. 299.

въ подвижность и теченіе ¹⁾ и раскрыть сущность истинной спекулятивной абстрактности и истинной спекулятивной конкретности. Въ этомъ—высшая задача новой философіи, и разрѣшеніе ея беретъ на себя самъ Гегель. Для этого онъ и разоблачаетъ прежде всего основные пороки формальной абстракціи.

Истинная философія конкретна и по предмету своему и по методу. Это означаетъ, что элементы ея предмета не остаются разрозненнымъ множествомъ, но вступаютъ въ нѣкоторую особливую живую синтетическую связь, объединяющую ихъ въ новое, своеобразное живое единство. Эта конкретная связь не есть только познавательный синтезъ, мысленно-идеальный, человѣческимъ субъективнымъ мышленіемъ построяемый, но подлинный живой синтезъ самихъ элементовъ самого предмета. Конечно, эмпирически мыслящему уму неясно еще, что это за синтезъ и какъ онъ возможенъ; однако, уже очевидно, что къ такому синтезу формально-абстрактныя понятія могутъ оказаться и не приспособленными.

По Гегелю они не способны къ нему совершенно.

Каждое абстрактное понятіе само себѣ тождественно и неизмѣнно ²⁾. Оно или А, или не А. Оно одноформно ³⁾, однотонно ⁴⁾, одноцвѣтно ⁵⁾. Содержаніе его не можетъ измѣниться, ибо иное содержаніе есть содержаніе иного понятія. Поэтому абстрактное-формальное прочно ⁶⁾, фиксировано ⁷⁾, неподвижно ⁸⁾ и недвижимо ⁹⁾. Оно какъ бы застыло ¹⁰⁾ и закаменѣло ¹¹⁾ въ своемъ внутреннемъ естествѣ. Лишенное всякой гибкости ¹²⁾, холодное ¹³⁾ и безцвѣтное ¹⁴⁾, оно безжизненно ¹⁵⁾ и мертво ¹⁶⁾ вѣчной и безнадежной мертвостью никогда не жившаго существа. Это

¹⁾ Срв. Phän. 27.

²⁾ «Unwandelbar» Phän. 162.

³⁾ «Gleichförmig» Enc. II. 87. 87. Anm.

⁴⁾ «Eintönig» Phän. 13. 394.

⁵⁾ «Einfärbig» Phän. 13.

⁶⁾ «Fest». W. Beh. 374. Phän. 27. 27. 240. 252. 253. 257. 258. Log. I. 39. 183. Log. III. 32. 67. 120. Enc. I. 147.

⁷⁾ «Fix», «fixirt». Glaub. 36. W. Beh. 329. 340. 342. 357. 409. Jac. 14.

⁸⁾ «Unbewegt» Phän. 13. Log. I. 50.

⁹⁾ «Unverrückt» Log. I. 39.

¹⁰⁾ «Trocken» Phän. 252. 253. Log. I. 45. Würt. 240.

¹¹⁾ «Knöchern» Phän. 252. 253.

¹²⁾ «Unbiegsam» Phän. 446.

¹³⁾ «Kalt» Phän. 446.

¹⁴⁾ «Farb'los» Log. III. 60—61.

¹⁵⁾ «Unlebendig», «Leblosigkeit». Phän. 36. 590. Log. III. 60—61. Enc. I. XXXIII.

¹⁶⁾ «Todt». Nohl. 7. Phän. 26. 522. Log. I. 50. Log. II. 4.

есть своего рода *carut mortuum* абстракціи ¹⁾. Между этими понятіями есть даже извѣстная связь—связь родового и видового характера; но эта связь такъ же прочна ²⁾, мертва и неподвижна, какъ и внутренняя природа самихъ понятій. Она оставляетъ всѣ связуемые элементы въ неизмѣнномъ видѣ и въ разрозненномъ состояніи подчиненности, но не сочиненности; она есть связь чисто негативная, ибо родовое понятіе добывается простой «негаціей» видового признака ³⁾; она можетъ быть даже совсѣмъ не связь, а только «присутствіе» родовыхъ элементовъ во всѣхъ видовыхъ образованіяхъ...

Во всякомъ случаѣ въ этомъ мертвомъ строѣ классификаціи всѣ абстрактныя образованія остаются отъединенными и замкнутыми ⁴⁾. Разъ обязанныя своимъ происхожденіемъ разрыву и разлученію, предпринятому сознаниемъ надъ матеріаломъ,—разсудочныя понятія всегда сохраняютъ на себѣ печать оторванности и распада ⁵⁾. Каждое каждому есть *sui generis* «инобытіе», нѣчто «другое», внѣшнее, стоящее къ нему слѣд. во внѣшнемъ отношеніи ⁶⁾. Абстрактное неизмѣнно обременено этимъ отдѣльнымъ отъ него ⁷⁾, не сливающимся съ нимъ и не растворяющимся въ немъ «другимъ абстрактнымъ»—будь то оторванное отъ него всеобщее-мыслимое или противостоящее ему единичное-чувственное ⁸⁾. Именно поэтому оно, согласно глубокомысленному опредѣленію абсолютнаго, данному Спинозой ⁹⁾, отнюдь не есть нѣчто безусловное, или абсолютное ¹⁰⁾; напротивъ, оно обусловлено этимъ

¹⁾ Enc. I 224.

²⁾ Срв. Phän. 274, а также Niet. 345. Enc. I. 147.

³⁾ Срв. всѣ тѣ мѣста, гдѣ Гегель настаиваетъ на негативной сущности абстрактнаго-формальнаго, называя послѣднее «положительно выраженной негаціей» (W. Beh. 341); особ. Glaub. 65. 123. 126. 137. W. Beh. 370. 397. Phän. 578. 600. Log. I. 101. Log. II. 4. 84. Enc. I. 223. Enc. III. 348—349.

⁴⁾ «Verschlossen» Log. III. 200.

⁵⁾ «Getheilt», «zerrissen», «geschieden», «getrennt», «abgeschnitten», «dirimirt», «aufgelöst», «zerbeugt» etc; срв. Moll. I. 66. Dif. 252. W. Beh. 413. Phän. 25. 252. 288. 377. 446. Log. I. 86. Log. III. 122. 205. Enc. II. 501. Enc. III. 354. Recht. 226. Ph. g. 50 и др.

⁶⁾ Срв. Dif. 243. W. Beh. 368. 371. Log. I. 39. 90. 101. 127. 246. 249. Log. II. 4. 4. Log. III. 32. 46. 380. Enc. III. 400.

⁷⁾ Срв. Log. I. 129.

⁸⁾ Срв., напр., Glaub. 11. W. Beh. 345.

⁹⁾ См. Spinoza. Ethica. Pars prima. Definit. II. «Ea res dicitur in suo genere finita, quae alia ejusdem naturae terminari potest». И далѣе: «Si cogitatio alia cogitatione terminatur». Opera Ed. Paulus. 1802. Vol. I. pag. 35.

¹⁰⁾ Срв. W. Beh. 353. 367. Phän. 13.

отрывомъ ¹⁾, оно есть нѣчто относительное ²⁾, ограниченное ³⁾, неполное ⁴⁾. Оно составляетъ только одну сторону, вырванную изъ дѣйствительной полноты предмета, и потому оно односторонне ⁵⁾. Напрасно разсудочное знаніе хвалится тѣмъ, что оно доходитъ до познанія безконечнаго; «безконечность» его есть безконечность уходящаго вдаль регресса, неосуществимаго заданія, недостижимой полноты; это то безконечное, которымъ Фихте закончилъ свое первое «Наукоученіе» — дурная, мнимая, вѣчно блуждающая безконечность безкрылаго разсудка. Абстрактное формальное само по себѣ — конечно ⁶⁾, и не ему посягать на подлинное достояніе спекулятивной философіи.

Теперь должно быть понятно, въ какомъ смыслѣ Гегель настаиваетъ на единичности формальной абстракціи: выдѣляя и вознося изъ всей сложной данности только одну, единичную сторону предмета, понятіе остается прикованнымъ къ ней, и эта прикованность опредѣляетъ навсегда его содержаніе; оно бессильно исправить въ этомъ что-либо; выдавая выдѣленную единичность за что-то всеобщее, оторванное отъ другихъ содержаній и другихъ понятій, оно является само лишь единичнымъ понятіемъ, прилѣпившимся къ единичному содержанію. Поэтому черезъ единичное разсудочное понятіе можетъ быть познано только единичное свойство чувственнаго міра, разсудочно обобщенное, но не приобрѣвшее истинной спекулятивной всеобщности ⁷⁾.

Такимъ образомъ, оторванные одна отъ другой, равнодушно ⁸⁾ сопоставленныя, формальныя абстракціи отчужденно ⁹⁾ и чопорно ¹⁰⁾ противостоятъ другъ другу, нисколько не лучше, чѣмъ конкретныя эмпирическія вещи. «Абстрактное» означаетъ всегда то же самое, что «противоположное» ¹¹⁾. Элементы, оторванные другъ отъ друга, взаимно-абстрактныя ¹²⁾, относятся другъ къ другу негативно ¹³⁾, исключаютъ

¹⁾ «Bedingt» срв. Diff. 193. 210. Glaub. 120. Enc. III. 44.

²⁾ «Relativ» W. Beh. 378. Enc. III. 44.

³⁾ «Beschränkt» Dif. 233. W. Beh. 340. 367. Enc. I. 147. Re. ht. 150. 207. 352.

⁴⁾ «Mangelhaft» Recht. 41. Bha. 415.

⁵⁾ «Einseitig». Dif. 191. Phän. 101. 590. Log. I. 65. 90. 101. 148. Log. II. 33. Log. III. 123. 175. 334. Enc. I. XV. XXI. 175. 354—355. Enc. III. 362. Recht. 41.

⁶⁾ «Endlich» Glaub. 122. 156. Enc. I. XV. Recht. 41. 207.

⁷⁾ Срв. Phän. 185. Log. III. 61. 74. Recht. 161. 256.

⁸⁾ «Gleichgültig» Phän. 77. 86. 86. 253. Log. I. 86. 87. 90.

⁹⁾ «Entfremdung» Phän. 451; «Gemeinschaft... zurückstossen» Log. I. 174.

¹⁰⁾ «Sprödigkeit». Log. I. 185.

¹¹⁾ Срв. Diff. 193. 194. 233. 243. 289. Glaub. 19. 138. Phän. 96. 504. Log. I. 264. Log. III. 65 и др.

¹²⁾ Glaub. II. 135.

¹³⁾ Срв. Glaub. 123. W. Beh. 353. Log. I. 129. Recht. 352.

другъ друга, стоятъ взаимно въ отношеніи «идеальной» и «безусловной» противоположности ¹⁾. Несоединяемый разрывъ ²⁾, обнаружившійся между нпми, превращаетъ ихъ неминуемо въ непримиримыя полярныя крайности ³⁾. Вся великая армія абстрактныхъ понятій оказывается раздробленнымъ, разбросаннымъ ⁴⁾, дискретнымъ ⁵⁾ множествомъ логическихъ атомовъ ⁶⁾. Все преимущество ихъ передъ атомами эмпирии въ ихъ мыслительно-всеобщей формѣ и только.

Естественно, что такое множество атомизированныхъ абстракцій, съ мертвымъ содержаніемъ и въ мертвомъ порядкѣ, оказывается неспособнымъ къ тому высшему спекулятивно-живому синтезу, котораго искалъ Гегель. Формальное понятіе неподходяще для спекулятивнаго строя отношеній, который покоится, во-первыхъ, на конкретности, а, во-вторыхъ, на содержательности своихъ элементовъ. Между тѣмъ формальная абстракція, во-первыхъ, дискретна, во-вторыхъ, бессодержательна. Это разсудочное понятіе, только абстрактное, не болѣе чѣмъ абстрактное ⁷⁾, есть чистая ⁸⁾ и пустая ⁹⁾, бессодержательная мыслимость. Запмствуя все содержаніе свое изъ матеріала конкретной эмпирии ¹⁰⁾, не будучи въ силахъ обогатить его чѣмъ-нибудь творчески, отъ себя, формальная абстракція и не заботится объ этомъ, но, какъ уже обнаружилось, стремится въ бездну бессодержательности ¹¹⁾, въ ту злосчастную пустоту ¹²⁾, въ которой ничего уже не можетъ быть познано ¹³⁾, кромѣ формальнаго ¹⁴⁾ и поверхностнаго ¹⁵⁾. Разсудочное

¹⁾ Diff. 255. W. Beh. 336.

²⁾ Срв. Glaub. 97. Log. I. 29—30.

³⁾ «Extrem» срв. Phän. 258. 446. Log. III. 120. 129. Recht. 395—396. Bha. 414.

⁴⁾ «Diffus» Enc. III. 303.

⁵⁾ Log. III. 232.

⁶⁾ W. Beh. 334. Enc. I. 35.

⁷⁾ «Nur», «erst», «bloss», срв. Phän. 273. 287. 481. Log. I. 47. Enc. I. 157. Enc. II. 222. Enc. III. 44. Recht. 22. 42—43. 177.

⁸⁾ «Rein». Пониманіе этого термина двойится у Гегеля: иногда подъ «reiner Begriff» онъ разумѣетъ спекулятивное понятіе, напр. Log. III. 60—61 и др.; однако нерѣдко онъ именуется «чистымъ понятіемъ» порицаемую имъ разсудочную абстракцію; такъ, напр. Phän. 257. 586; а также Glaub. 129. W. Beh. 377. Phän. 258. 480. 485. 504. 563. 579. 586. 600. Log. II. 84. Enc. I. 146 и др.

⁹⁾ «Leer», «arm», срв. Glaub. 34. 68. 90. 109. 131. 135. W. Beh. 327. 377. 422. Phän. 73. 77. 98. 180. 226. 257. 273. 274. 291. 235—296. 480. 495. 577. Niet. 346. Log. I. 20. 127. 190. 270. Log. II. 64. Enc. I. 73. Enc. III. 44 (z). 101 (z). 114 (z). 460. Jac. 16. Recht. 38. 39. 100. Hinr. 283. Bha. 414.

¹⁰⁾ Срв. Phän. 153. 423. Log. I. 86. Enc. III. 379. Recht. 414.

¹¹⁾ «Leerer Abgrund» Phän. 65.

¹²⁾ «Unseelige Leere» Phän. 258.

¹³⁾ «Im Leeren wird nichts erkannt» Phän. 111.

¹⁴⁾ «Formale Erkenntniss», срв. Diff. 281. Glaub. 120. W. Beh. 375. Enc. III. 294.

¹⁵⁾ «Oberflächlich», срв. Phän. 185. Log. III. 60—61. Enc. III. 406. 433. Recht. 401.

субъективное мышление ¹⁾, произвольно ²⁾ и насильственно ³⁾ составляя свои абстракціи и взбираясь по нимъ все выше, становится тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе въ нихъ чистоты и пустоты ⁴⁾. И, наконецъ, когда понятія оказываются способными къ любому содержанію и безразличными ко всякому ⁵⁾; когда не остается въ сущности никакого содержанія, ибо исчезаетъ всякая различимость ⁶⁾; когда начинаетъ грозить полное безсмысліе ⁷⁾ и аморфность ⁸⁾—тогда только разсудокъ замѣчаетъ, что онъ былъ похищенъ своими созданіями, абстракціями, и закруженъ до потери сознанія въ ихъ вертящемся хороводѣ ⁹⁾; и, можетъ быть, слишкомъ поздно онъ вспоминаетъ, что лучше ужъ мечтанія и грезы, чѣмъ отвлеченная пустота ¹⁰⁾.

Можетъ ли спекулятивная философія удовлетвориться такимъ понятіемъ? Примириться съ тѣмъ, что величайшая и абсолютная сила мысли впадаетъ въ такое безсиліе ¹¹⁾ и отдается безпредѣльной скукѣ пустого бытія ¹²⁾. Признать, что это разсудочное мышление, разлагающее и разоряющее всякій спекулятивный синтезъ ¹³⁾, скованное абстрактной формой ¹⁴⁾, безпредметно уходящее въ неопредѣленность, есть вершина знанія и орудіе истины? Вся философія Гегеля есть великое творческое «нѣтъ», сказанное имъ изъ глубины предмета въ отвѣтъ на эти вопросы.

Необходимо положить предѣлъ тому развалу ¹⁵⁾, къ которому привело господство абстракціи, съ ея неосновательностью ¹⁶⁾, съ отсутствіемъ у нея всякаго безусловнаго средоточія и субстанціальной ¹⁷⁾ сущности ¹⁸⁾. Необходимо признать, что абстрактное-формальное по-

¹⁾ Срв. Log. III. 32. 323. Enc. III. 251.

²⁾ Срв. Log. II. 31. Log. III. 302. Enc. III. 387.

³⁾ «Gewaltthätig». Glaub. 17.

⁴⁾ Phän. 257.

⁵⁾ Phän. 485. 486. 486—487. Enc. III. 208.

⁶⁾ W. Beh. 413.

⁷⁾ Enc. I. XXX.

⁸⁾ «Gestaltlos», Phän. 162. W. Beh. 422.

⁹⁾ Срв. Phän. 99.

¹⁰⁾ Phän. 111.

¹¹⁾ Glaub. 109.

¹²⁾ Glaub. 109.

¹³⁾ Срв. Recht. 38. 39.

¹⁴⁾ «Fessel eines Abstraktums» Recht. 19.

¹⁵⁾ «Unwesen der Abstraktion» Log. I, 96.

¹⁶⁾ «Grundlos» Recht. 365.

¹⁷⁾ «Keinen Halt, keine Substanz», Phän. 495.

¹⁸⁾ «Wesenlos» W. Beh. 341. 342. 345. 367. 401. Phän. 291.

нѣтіе несовершенно ¹⁾, незаконченно ²⁾ и неразвито ³⁾; что ему не достаетъ внутренней органической цѣлесообразности ⁴⁾; и что именно поэтому оно подлежитъ отверженію. Все чисто-разсудочное мышленіе чуждо понятію ⁵⁾, не знаетъ спекулятивной мысли ⁶⁾, оторвано отъ философской идеи ⁷⁾, и вслѣдствіе этого неразумно ⁸⁾ и недуховно ⁹⁾. На этомъ пути истина не постигается, ибо самый основной элементъ его—формальная абстракція—не истиненъ ¹⁰⁾. Все, чего бы ни коснулось это невѣрное «орудіе» познанія, оказывается раздробленнымъ, деградированнымъ, умерщвленнымъ: разумъ ¹¹⁾, духъ ¹²⁾, безконечность ¹³⁾, дѣйствительность ¹⁴⁾, жизнь ¹⁵⁾, организмъ ¹⁶⁾, понятіе ¹⁷⁾, истина ¹⁸⁾, нравственность ¹⁹⁾, Богъ ²⁰⁾,—все искажается, все познается ложно, все разлагается на пустыя и мертвыя отвлеченности. Вотъ почему съ абстрактнымъ-формальнымъ философіа совсѣмъ не имѣетъ дѣла ²¹⁾, пользуясь только его работой, подготовляющей до извѣстной степени низменную матерію чувственности.

Мало того; если подойти ко всему этому разсудочному гнѣзду съ высшей, спекулятивной точки зрѣнія, то нужно будетъ признать, что «понятія» его не только не имѣютъ эмпирическаго существованія, но—что несравненно важнѣе—лишены и всякой метафизической реальности. Эти «банальнѣйшія абстракціи» ²²⁾, дереализованныя противоположе-

¹⁾ «Unvollkommen», Log. III. 40.

²⁾ «Unvollendet», Log. III. 25.

³⁾ «Nicht entwickelt», Enc. I. 324.

⁴⁾ Срв. Glaub. 44.

⁵⁾ «Begrifflos», Phän. 432. Log. III. 40. 47. 60—61. 145. 145.

⁶⁾ «Gedankenlos», Phän. 432.

⁷⁾ «Ideenlos», Recht. 315.

⁸⁾ Срв., напр., Recht. 263.

⁹⁾ «Geistlos». Срв. Phän. 21. 257. Log. I. 39. Log. III. 60—61. Iac. 14.

¹⁰⁾ Срв. Diff. 193. Phän. 181. 290. 586. Log. 127. 127. 223. Log. II. 33. Log. III. 40. 268. Enc. II. 63. Enc. III. 101. Ph. g. 9. 50. Bha. 415.

¹¹⁾ Срв. Enc. III. 412. Recht. 19.

¹²⁾ Срв. Phän. 418. Log. III. 61.

¹³⁾ Срв., напр., W. Beh. 359.

¹⁴⁾ Enc. III. 412.

¹⁵⁾ Срв., напр., Log. III. 61.

¹⁶⁾ Срв., напр., W. Beh. 330.

¹⁷⁾ Напр., Log. III. 61.

¹⁸⁾ Enc. III. 334. 354. Hinr. 83.

¹⁹⁾ Срв., напр., Phän. 265 и др.

²⁰⁾ Напр., Log. III. 61.

²¹⁾ Срв. Glaub. 131. Phän. 36. Niet. 346. Enc. I. 157. Enc. III. 464.

²²⁾ «Gemeinste Abstraktion», Glaub. 131.

ніемъ ¹⁾, суть лишь выдуманная величины ²⁾, стоящая подъ категоріей возможности ³⁾; пустыя химеры ⁴⁾, блѣдныя тѣни ⁵⁾, колдовской дымъ ⁶⁾. Онѣ суть—ничто ⁷⁾ передъ лицомъ истинной философіи, и это метафизическое ничтожество ⁸⁾ ихъ дѣлаетъ ихъ предметомъ уже не знанія, а только мнѣнія ⁹⁾ и суетвѣрія ¹⁰⁾. Абсолютная абстракція и непримиримое противоположеніе суть начала анти-спекулятивныя, противныя философіи и подлинной метафизической реальности, а слѣдовательно враждебныя истинѣ, духу и Богу: абстрактное обособленіе есть начало зла ¹¹⁾.

Поэтому приверженность къ этой формальной мысли; неспособность и нежеланіе разстаться съ ней и убѣдиться, что она ничему не соотвѣтствуетъ и все искажаетъ; величайшее упрямство разсудка ¹²⁾, побуждающее его настаивать на своей правотѣ и выдавать свое заблужденіе за истину,—все это заводитъ ищущую душу въ бездну безмыслія, философской беспомощности и метафизической лжи. Разсудочная философія есть въ глазахъ Гегеля проявленіе ограниченного упорства и познавательнаго безсилія. Нужно, конечно, самоотверженное мужество и научное-безкорыстіе для того, чтобы, сросшись съ извѣстнымъ возрѣніемъ, вработавшись въ извѣстную точку зрѣнія, отказаться отъ нихъ, какъ отъ невѣрныхъ; предпринять коренную ломку привычныхъ устоевъ; обновить не только теоретическія допущенія и возрѣнія, но и основной философскій укладъ души. Можетъ быть, для этого нуженъ особый философски-художественный даръ... Но такой переходъ, по убѣжденію Гегеля, есть *sine qua non* истиннаго философскаго познанія.

Въ чемъ же должно состоять это обновленіе, и къ чему поведетъ и приведетъ отказъ отъ разсудочнаго мышленія во имя спекулятивнаго?

¹⁾ Срв., напр., Glaub. 137.

²⁾ «Gedankendinge». Срв. W. Beh. 367. 372. 401. 404. Phän. 226. Jac. 16.

³⁾ Log. I. 228.

⁴⁾ Phän. 293—294.

⁵⁾ Срв. Jac. 16.

⁶⁾ «Hexenräuche», выраженіе Якоби, Jac. 16.

⁷⁾ «Nichts», Glaub. 131. 138. Phän. 65. 291. Log. I. 165.

⁸⁾ «Nichtigkeit», W. Beh. 371. 377. Phän. 132. Jac. 16.

⁹⁾ Log. III. 334.

¹⁰⁾ Log. I. 81.

¹¹⁾ Срв. Phän. 586. Recht. 185.

¹²⁾ Срв. Log. I. 192. Enc. I. 228.

III. О СПЕКУЛЯТИВНОМЪ МЫШЛЕНИИ ВООБЩЕ.

(Ученіе о разумѣ).

Въ основаніи ученія Гегеля о сущности спекулятивнаго мышленія, какъ и въ основѣ всей его философіи, лежитъ подлинный душевно-духовный познавательный опытъ, открывшій ему то, что онъ по существу утверждалъ, и утвердившій его въ вѣрности того, что ему открылось. Повтореніе этого познавательнаго опыта является непремѣннымъ условіемъ для того, чтобы воистину понять имѣвшееся имъ въ виду, приобщиться понимаемому не только въ формѣ приблизительнаго и общаго представленія о чемъ-то неприемлемомъ, но въ видѣ непосредственнаго познающаго общенія съ сущностью изучаемаго, какъ съ подлинно-данномъ предметомъ. Подобнаго опыта, какъ это должно быть уже понятно, никто никому со стороны дать не можетъ; но объективный анализъ его сущности возможенъ. Такому анализу самъ Гегель пытался подвергнуть не только конкретное-эмпирическое и абстрактно-формальное познанія, отвергнутыя имъ, но и спекулятивное мышленіе въ его существенныхъ чертахъ. Гегель не только осуществлялъ, практиковалъ спекулятивное философствованіе, но дѣлалъ героическія усилія для того, чтобы раскрыть другимъ его сущность, чтобы развернуть его у всѣхъ на глазахъ, формулировать его основы и изъяснить его природу. Правда, несмотря на все это, остаются еще серьезныя трудности, требующія для своего пониманія и провѣрки большихъ напряженій въ предѣлахъ личнаго познавательнаго опыта; недаромъ же за Гегелемъ утвердилась репутація одного изъ труднѣйшихъ философскихъ мыслителей. Однако, непреодолимыхъ трудностей здѣсь меньше, чѣмъ это принято думать, и существенное поддается пониманію.

Философія Гегеля, какъ и всякая истинная философія, не можетъ быть понята одною мыслью; здѣсь требуется участіе реальнаго душевнаго опыта въ его полномъ составѣ; въ особенности же участіе творческаго воображенія. «Спекулятивная мысль», составляющая элементъ и стихію этой философіи, есть мысль, настолько пропитанная работой воображенія, настолько слившаяся съ нимъ, что обычной логически-формальной, и даже критической-кантовской мыслью она понята быть не можетъ. Воспитанный на формальной мысли теоретикъ, читая Гегеля, будетъ испытывать необычайно тягостное ощущеніе того, что максимальное напряженіе его души, стремящейся къ пониманію читаемаго, остается безплоднымъ или почти безрезультатнымъ. Передъ нимъ скоро встанетъ дилемма, по которой или читаемое лишено смысла, или

самъ читатель лишень дара къ философіи, и вся попытка въ лучшемъ случаѣ закончится недоумѣніемъ и отказомъ отъ дальнѣйшаго ознакомленія. Можетъ быть, всѣ люди дѣлаются жертвой того безсознательнаго предрассудка, что орудіе, привычное для нихъ лично, должно подходить или соотвѣтствовать каждому предмету и содержанію; во всякомъ случаѣ за ошибочность этого воззрѣнія они иногда жестоко расплачиваются. Прежде чѣмъ писать или судить о Гегелѣ, необходимо дать себѣ отчетъ въ томъ, какова была сущность его познавательнаго подхода къ предметамъ, т.-е. попытаться постигнуть его способъ мыслить, чтобы вслѣдъ затѣмъ повторить этотъ способъ своей душой, усвоить его и только тогда приступить къ изученію его произведеній; иными словами, для того, чтобы Гегель раскрылся духовному оку, нужно, чтобы оно научилось видѣть по новому, или, еще проще: обновленіе орудія сдѣлаетъ доступнымъ изслѣдуемое.

Все это можетъ быть выражено еще такъ: для того, чтобы понять Гегеля, необходимо попытаться подойти феноменологически къ его философствованію, т. е. вскрыть внутреннюю структуру его мыслительнаго акта. А такъ какъ «абстрактность» составляетъ по Гегелю природу мысли, а «спекулятивность»—ея основное свойство, то этотъ феноменологическій анализъ можетъ дать первое наглядное представленіе о сущности «абстрактнаго-спекулятивнаго».

Для того, чтобы получить такое представленіе, слѣдуетъ начать съ забвенія того, во что вѣрилось прежде и къ чему доселѣ склонялось мнѣніе ¹⁾: нужно порвать и съ безпредметнымъ пустозвонствомъ ²⁾ разсудочной мысли и съ туманностью тепловатыхъ чувствованій и настроеній ³⁾. Первое, что необходимо спекулятивному мыслителю—это способность къ самоотверженію въ познаніи; не только для того, чтобы разстаться, хотя бы на время, съ «собственными» приѣмами и изобрѣтеніями, или для того, чтобы быть всегда наготовѣ признать «свою» неправоту, какъ только предметъ ее обнаружитъ; но, главнымъ образомъ, для того, чтобы умѣть устранять и ликвидировать или, по крайней мѣрѣ, изолировать въ душѣ нормальное пульсированіе личныхъ влеченій и личнаго аффективнаго интереса отъ чистаго объективнаго обстоянія, имѣющаго обнаружиться въ предметѣ. Одно изъ основныхъ убѣжденій Гегеля, которое онъ такъ же, какъ и Больцано, воспринялъ изъ философской атмосферы, созданной «Критикой Чистаго Разума», состоитъ въ томъ, что мысль, «обращенная внутрь», имѣетъ дѣло съ нѣкоторой предметной объективностью, не только не менѣе, но несравненно болѣе

¹⁾ Skept. 107. Ohl. 230.

²⁾ «Das gestaltlose Sausen des Glockengeläutes». Phän. 164.

объективной, чѣмъ чувственная реальность внѣшняго міра. Въ наши дни это убѣжденіе можетъ показаться страннымъ только тому, кто совсѣмъ не искушенъ въ философіи ¹⁾, или кто привыкъ не сомнѣваться въ реальности внѣшнихъ вещей и относиться съ сомнѣніемъ къ тому, что не поддается внѣшнимъ воспріятіямъ и мѣриламъ. Современная психологія не сомнѣвается въ объективности своего предмета—внутренней, душевной реальности, ею изслѣдуемой. Но этого мало: въ современной логикѣ, благодаря работамъ Больцано, Хуссерля и отчасти Когена, быстро отмираютъ сомнѣнія въ объективности самого мыслимаго содержанія, того, что мыслится въ мысли,—смысла. «Объективность» дается не только «внѣшнимъ образомъ», но и «внутреннимъ»—вотъ воззрѣніе, все болѣе получающее право гражданства. «Истинная объективность» дается именно не «внѣшнимъ», а только «внутреннимъ образомъ»—таково было воззрѣніе Гегеля; оно имѣетъ несомнѣнно сложную исторію въ предшествующей ему философіи, но было продумано и выражено имъ съ такою силою и законченностью, что поистинѣ можетъ быть названо «воззрѣніемъ Гегеля» *par excellence*. Необходимо признать, что именно Гегель является однимъ изъ предшественниковъ современнаго логическаго объективизма; хотя столь же несомнѣнно, что научная логика не повторитъ его основной феноменологической ошибки.

Согласно этому воззрѣнію Гегель стремится сначала разочаровать философствующую душу въ объективности внѣшняго міра, а затѣмъ открыть ей доступъ къ новой, «внутренней» объективности. Отвращеніе отъ первой есть непремѣнное условіе для проникновенія во вторую ²⁾. Уже разсудочная абстракція приучала душу къ тому, чтобы мыслить внѣ зрѣнія и слуха, чтобы сосредоточивать интенсивность внутренней жизни не на центробѣжномъ, а на центростремительномъ уклонѣ души ³⁾. Эта мобилизація духовной энергіи съ направленіемъ ея «въ себя», внутрь, получаетъ теперь свое положительное оправданіе: нужно было привыкнуть къ разсудочной мысли для того, чтобы потомъ «научиться мыслить спекулятивно» ⁴⁾ Ибо спекулятивное мышленіе есть не просто абстрактное мышленіе, а нѣчто большее: мышленіе, своеобразно сочетавшееся съ созерцаніемъ.

Созерцаніе, какъ уже извѣстно, есть непосредственное отношеніе сознанія къ своему предмету. Таково оно уже въ поэтическомъ и мистическомъ переживаніи. Тамъ это непосредственное отношеніе харак-

¹⁾ «Eine warme Nebelerfüllung». Phän. 164.

²⁾ Срв. Glaub. 96. W. Beh. 357. Phän. 226. Log III. 267. 332.

³⁾ Срв. Niet. 315. Rel. I. 193.

⁴⁾ Niet. 348.

теризуется нѣкимъ забвеніемъ о себѣ; утрачивается сознательный рефлексъ на происходящее ¹⁾; исчезаетъ то, что я называлъ «своимъ»; душа живетъ «внѣ времени и пространства»; она погружается въ созерцаемый предметъ, отдается ему, сливается съ нимъ; она всецѣло—въ немъ, она есть—только онъ ²⁾. И, возвращаясь изъ такого созерцанія, душа испытываетъ страхъ и удивленіе, не постигая его глубины ³⁾. Въ такомъ по силѣ, сосредоточенности и чистотѣ созерцанія, но слившемся уже съ мыслью, пропитавшемъ мысль и со своей стороны пропитанномъ мыслью,—познаніи открывается подлинная объективная сущность всего, если выразиться терминомъ Канта—«вещь въ себѣ». То роковое субъективистическое искаженіе «абсолютнаго» объекта, которое было отмѣчено и выдвинуто англійской эмпирической философійю, которое Лейбницъ считалъ удалимымъ посредствомъ мысли, а Кантъ призналъ неудалямымъ ничѣмъ и преграждающимъ человѣческому познанію доступъ къ вещи въ себѣ,—эта субъективистическая опороченность всего познаваемого отпадаетъ для Гегеля въ результатѣ признанія имъ созерцающей мысли. Созерцающая мысль мыслить предметъ свой съ тою силою абсолютнаго погруженія, которая ликвидируетъ субъективно-конечную среду «преломляющаго» сознанія, устраняетъ ее надѣло, аннулируетъ ее. Форма времени, къ которой у Канта «прикованы» внутреннее чувство и категорія, отпадаетъ здѣсь въ результатѣ душевнаго напряженія, разрѣшающагося въ непосредственное сліяніе съ предметомъ. Это непосредственное сліяніе созерцающей мысли съ предметомъ и явилось для философій Гегеля источникомъ величайшей силы и въ то же время величайшаго заблужденія.

Спекулятивная мысль есть мысль. Поэтому предметъ ея не эмпирически-конкретно-единиченъ, но чистъ, абстрактенъ и всеобщъ. Правда, спекулятивная абстрактность и спекулятивная всеобщность суть уже нѣчто иное и новое; но основное, что цѣнится въ мысли со времени Сократа и Платона и до нашихъ дней—ея сверхчувственность, опредѣлимость и устойчивость ⁴⁾—оказывается налицо и въ спекулятивной философій. Спекулятивное мышленіе направлено на то, что внѣчувственно и сверхчувственно; оно уже не прилѣпляется къ конкретному-эмпирическому, какъ источнику своего [содержанія ⁵⁾], не нуждается въ немъ, не заимствуетъ у него, не примѣняется къ нему.

¹⁾ Срв., напр., Glaub. 103. 104.

²⁾ Срв. стихотвореніе «Eleusis». Ros. 78. 79.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Въ «устойчивости» смысла Гегель цѣнилъ, конечно, не «неизмѣнную тождественность», но повторяемость при законмѣрной подвижности.

⁵⁾ Срв. W. Beh. 357. Phän. 226. Log. III. 267. 332. Recht. 280.

Оно позволяет разуму предоставить в свое распоряжение выношенные имъ «устойчивыя опредѣленности», или, какъ Гегель обычно выражается, «абстрактныя всеобщности» ¹⁾, и съ нихъ начинается, какъ съ элемента, обладающаго минимальной философскою допустимостью. Этотъ элементъ есть «абстрактное вообще», продуктъ мышленія, мыслимое нѣчто, понятіе въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова.

Но въ то время, какъ разсудочное мышленіе подходитъ къ «понятію» какъ бы извнѣ, со стороны, какъ къ нѣкоторому эмпирически данному и подлежащему обработкѣ содержанію, и само при этомъ остается функцией субъективной человѣческой души—спекулятивное мышленіе не характеризуется этими чертами. Обычная разсудочная мысль—образуетъ «разъ», предметъ ея образуетъ «два». Мышленіе разсудка есть схождение, сопоставленіе, соприкосновеніе двухъ сторонъ; этотъ двойственный составъ сохраняется на всемъ протяженіи мыслительнаго процесса, который и заканчивается равнодушной, безпечальной разлукой. Мышленіе кардинально оторвано отъ предмета, субъектъ отъ объекта, познающій актъ—отъ познаваемаго содержанія. Субъектъ и объектъ не суть едино, хотя и вступаютъ въ эфемерное единеніе. Субъектъ не растворяется въ объектѣ, объектъ не исчезаетъ въ субъектѣ, не сливается, не отождествляется съ нимъ. «Сознаніе человѣка» самобытно, какъ самобытна и изучаемая, «измѣряемая» имъ «вещь».

Въ спекулятивной мысли все это обстоитъ обратно. Спекулятивная мысль есть не только мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ таковая, и созерцаніе. Это значитъ, что раздвоенность, взаимодействіе, опосредствованность ²⁾—уступаютъ мѣсто непосредственному единству, единству внѣ раскола, внѣ двойственности, раздвоенности и т. д. Дескриптивно-психологически это можно представить себѣ такъ, что «въ послѣдній разъ» совершается нѣкоторое «схождение сознанія съ предметомъ», но схождение, въ которомъ сошедшіеся сливаются воедино, слагаясь въ новое мыслительно-созерцательное образованіе—тождество субъекта-объекта. Это тождество и есть, по Гегелю, принципъ и сущность всякой истинной философской спекуляціи ³⁾.

Оно должно быть понято съ двухъ сторонъ: со стороны эмпирико-психологической и со стороны метафизико-онтологической. Ибо тождество субъекта-объекта означаетъ въ устахъ Гегеля: во-первыхъ, сліяніе единичнаго человѣческаго сознанія съ мыслимымъ содержаніемъ, во-

¹⁾ Характерно, напр., Log. III. 332.

²⁾ Опосредствованность понимается Гегелемъ обычно, какъ обусловленность элемента А отношеніемъ къ «инобытію»—къ элементу В; срв. Phän. 16. 74. 76. 79. 494. Log. I. 63. 74. 92. 110. 200. 235. Log. II. 3. Enc. I. 19. 165.

³⁾ Срв. Diff. 162. 163. 276. Enc. III 284—285 (z) и др.

вторыхъ, познавательно открывающуюся (въ результатѣ этого) метафизическую обращенность абсолютнаго духа на самого себя. Первое есть *ratio cognoscendi* второго; второе есть *ratio essendi* перваго.

Сліяніе единичнаго человѣческаго сознанія съ тѣмъ содержаніемъ, которое имъ мыслится, достигается, какъ уже сказано, въ результатѣ того, что мысль приобрѣтаетъ силу созерцанія, а созерцаніе отдается всецѣло дѣлу мысли; потому-то Гегель и настаиваетъ на полномъ отвлеченіи созерцающей силы души отъ чувственной, внѣшней среды ¹⁾). Насыщенная силою воображенія ²⁾ мысль уже не просто фиксируетъ и комбинируетъ свои понятія, шлифуя ихъ поверхность и совершенствуя ихъ расположеніе. Нѣтъ: она живетъ въ нихъ, живетъ ими, проникаясь ими и проникая въ нихъ. Сознаніе передаетъ себя предмету ³⁾, отдается ему ⁴⁾, пребываетъ въ немъ ⁵⁾. Оно углубляется въ него ⁶⁾ настолько, что предметъ становится для него, какъ свой ⁷⁾; мало того, оно забываетъ о себѣ ⁸⁾ и теряетъ себя въ этомъ «безсознательномъ» ⁹⁾ вдумываніи, вмысливаніи въ сущность понятія. Душа должна какъ бы затаять дыханіе и предоставить предмету господствовать въ себѣ ¹⁰⁾, управлять собою, двигать себя ¹¹⁾ по его собственнымъ внутреннимъ законамъ, отнюдь не вмѣшиваясь, не внося ничего произвольно отъ себя и не нарушая самостоятельности предмета ¹²⁾. Сознаніе единичной души должно, такимъ образомъ, раствориться въ предметѣ до самозабвенія. Мало того: до полнаго забвенія о томъ, что это самозабвеніе вообще было ея предпринято для цѣлей познанія, какъ своего рода познавательный приемъ. Тотъ, кто признаетъ человѣческое сознаніе (*das menschliche Bewusstsein*) за необходимый ингредиентъ всякаго познанія, за нѣчто абсолютное ¹³⁾, тотъ закрываетъ себѣ доступъ къ спекулятивному мышленію. Спекуляція требуетъ «уничтоженія» самого сознанія ¹⁴⁾, какъ конечнаго и субъективнаго. «Субъективная конечность, чувственно и рефлексивно-

¹⁾ Срв. Glaub. 96., гдѣ «*empirisches Bewusstsein zu Grunde geht in Vernunftanschauung*».

²⁾ «*Einbildungskraft*», Glaub. 42. 46. 92. 154.

³⁾ Phän. 42—43.

⁴⁾ Phän. 5. Enc. III. 313 (z).

⁵⁾ Phän. 5.

⁶⁾ Enc. I. 44. Enc. III. 313 (z).

⁷⁾ Phän. 46. 47.

⁸⁾ Phän. 5.

⁹⁾ Diff. 188. 199.

¹⁰⁾ Enc. I. 44. 45. Enc. III. 313 (z).

¹¹⁾ Phän. 46. 47.

¹²⁾ Phän. 46. 47. Recht. 65. 66.

¹³⁾ Glaub. 32. 57.

¹⁴⁾ Diff. 188.

мыслящее я, мое все», «мое конечное все» погибает ¹⁾). Пусть въ этомъ пожирающемъ огнѣ сгорятъ всѣ жалящія «комары субъективности», пусть погибнетъ самое сознаніе этой самоотдачи и этого уничтоженія; но если останется хотя бы еще рефлексія на уничтоженность всякой рефлексіи, или «субъективность» сознанія о томъ, что субъективность упразднена,—то субъективное спаслось отъ гибели и объективная сущность предмета будетъ искажена ²⁾). Гегель, какъ и Кантъ, признаетъ чувственную субъективность помѣхой и искаженіемъ ³⁾): то, что допущено, какъ нѣчто «субъективное», признается тѣмъ самымъ за нѣчто неабсолютное ⁴⁾). Однако, эта помѣха, по его убѣжденію, устраняема, и искаженія можно избѣгнуть; правда, не во внѣшнемъ опытѣ, но во внутреннемъ; и притомъ не въ жизни чувствъ, эмоцій и настроеній ⁵⁾, но въ жизни мысли. Это достигается не абстрагирующей мыслью, но силою интуиціи, интуитивнаго мышленія. Гегель исповѣдуетъ и устанавливаетъ возможность преодолѣть на этомъ пути психологизмъ и антропологизмъ въ познаніи. То, что сохраняетъ еще отношеніе къ «человѣческой познавательной способности», есть безусловно нѣчто конечное и субъективное ⁶⁾). Согласно этому познаніе абсолютнаго, безусловной сущности требуетъ полной безотносительности къ человѣческому и субъективному. Такая безотносительность или непосредственность и открывается въ созерцающемъ интеллектѣ, или «сверхчувственномъ внутреннемъ созерцаніи» ⁷⁾, образующемъ основу всей философіи ⁸⁾).

Такимъ образомъ, тождество субъекта и объекта съ психологически-дескриптивной точки зрѣнія состоитъ, такъ сказать, въ побѣдѣ объекта надъ субъектомъ, или, вѣрнѣе, въ добровольномъ ступшевываніи, самоупраздненіи субъекта, какъ такового, передъ имѣющимъ открыться ему объективнымъ обстояніемъ. Такъ какъ истинная энергія философскаго знанія и субъективность—несовмѣстимы ⁹⁾, то субъективность ликвидируетъ себя, до конца растворяясь въ мыслимомъ содержаніи. Субъекта, какъ такового, этого начала всяческой конечности ¹⁰⁾,

¹⁾ Glaub. 59.

²⁾ Срв. критическія замѣчанія противъ Якоби; напр., Glaub. 103. 104.

³⁾ Срв. кромѣ другихъ указанныхъ мѣстъ: Glaub. 76. 97. 111. Enc. III. 119 (z). 309. 310. 311.

⁴⁾ Glaub. 32.

⁵⁾ Срв. Log. III. 21. Enc. I. 37. Enc. III. 320. Hinr. 302.

⁶⁾ Glaub. 41.

⁷⁾ Log. III. 332.

⁸⁾ Dif. 272.

⁹⁾ «Unverträglich», Krit. 18.

¹⁰⁾ Напр., Glaub. 14. 59.

своеобразія, особенности ¹⁾, зависимости, единичности ²⁾, партикуляризма, случайности ³⁾ и своекорыстія ⁴⁾—уже нѣтъ: онъ весь въ объектѣ. Онъ какъ бы внемлетъ голосу предмета, музыкѣ идей ⁵⁾; или смотритъ, разсматриваетъ (zusehen, betrachten) ⁶⁾ сущность объекта; во всякомъ случаѣ онъ только воспринимаетъ то, что имѣется въ объектѣ на лицо ⁷⁾; или прислушивается къ раскрывающейся въ немъ внутренней необходимости предмета, доводя ее потомъ до сознанія ⁸⁾, формулируя ее въ словахъ ⁹⁾. Всѣ эти выраженія и формулы суть, конечно, не болѣе, какъ образныя характеристики, использованныя въ популярныхъ и экзотерическихъ цѣляхъ; внутреннее созерцаніе—не видитъ, не слышитъ; оно сверхчувственно. Однако, и сверхчувственный опытъ есть все же опытъ ¹⁰⁾. Спекулятивное мышленіе тоже поддается своеобразному наблюденію, внутреннему наблюденію, доступному только для того, кто самъ мыслитъ ¹¹⁾; психологически говоря, мышленіе всегда будетъ имѣть форму внутренней самодѣятельности субъекта ¹²⁾, оторвавшася отъ внѣшняго міра и ушедшаго въ себя. Этотъ внутренний спекулятивный опытъ Гегель и пытается черезъ описаніе приблизить къ сознанію профана.

Теперь ясно, что «гибель» субъекта въ объектѣ не есть въ строгомъ смыслѣ слова «гибель». Это есть какъ бы періодическое уходженіе субъекта въ объективную сферу логическаго содержанія, гдѣ онъ на время приобщается сверхвременному состоянію и порядку. Этотъ уходъ въ состояніе растворенности въ объектѣ смѣняется возвращеніемъ къ обычному эмпирическому дуализму, къ раздвоенности субъекта и объекта. Но философствуетъ сознаніе только въ растворенности; только спекулятивное самозабвеніе въ мыслимомъ предметѣ есть философское познаніе. Въ этомъ спекулятивномъ тождествѣ съ объектомъ сознаніе не угасаетъ, но сохраняется; оно освобождается, правда, отъ субъективности, отъ индивидуальнаго своеобразія, отъ своей личной ограниченности и эмпирически опредѣленной душевной ткани; но оно

¹⁾ Напр., Glaub. 76.

²⁾ Напр., Enc. III. 119 (z).

³⁾ Напр., Log. III. III. Enc. III. 309.

⁴⁾ Enc. III. 359.

⁵⁾ Срв. Glaub. 74.

⁶⁾ Phän. 46. 47. 69. 101. Recht. 65. 66.

⁷⁾ «Nur aufnehmen, was vorhanden ist», Log. I. 62.

⁸⁾ Recht. 66.

⁹⁾ Phän. 42. 43.

¹⁰⁾ Срв. Enc. I. 14.

¹¹⁾ Rel. I. 125.

¹²⁾ Enc. I. 44. Niet. 344. Raumer. 353.

остається сознаниемъ ¹⁾. Оно подьмется до объективности, становится объективнымъ сознаниемъ ²⁾. Оно живетъ въ объектѣ, какъ свободное отъ всякой партикулярности и «творитъ только всеобщее», въ которомъ оно «идентично» со всѣми индивидами ³⁾. Это и значитъ, что въ немъ царитъ само «логическое» или предметъ.

Повидимому, Гегель не замѣчалъ, что здѣсь встаетъ нѣкоторое существенное затрудненіе, образующее кардинальную проблему для всякой интуитивистической философіи. Тотъ, кто признаетъ возможность интуитивистическаго ухода отъ субъективности, отъ ея среды, ея вліянія, ея искажающаго воздѣйствія на процессъ и итогъ познанія, тотъ неизбежно долженъ будетъ установить нѣкоторые признаки или предѣлы, отъ которыхъ начинается эта сфера подлиннаго объективизма, освобожденнаго отъ «случайностей» и произвола единичнаго сознанія. Обычно эта проблема оставляется въ сторонѣ; конечно, не по малодушію, въ виду ея трудности, но вслѣдствіе того, что истинно одаренный интуитивистъ настолько занятъ открывшимся ему предметомъ, настолько погруженъ въ практическп-познавательное исчерпаніе его, въ содержательное о с у щ е с т в л е н і е интуиціи, что рефлексія на ея характеръ и составъ, ея формальные предѣлы и компетенцію—представляется ему второстепеннымъ, не столь важнымъ, можетъ быть даже экзотерическимъ дѣломъ; въ то время какъ дифференцирующей мысли аналитика болѣе близка раціоналистическая оглядка и отмежеваніе, рѣшеніе вопроса «какъ», до рѣшенія вопроса о томъ, «что именно»? Такъ Кантъ остається гносеологомъ и въ этикѣ и въ эстетикѣ, а Гегель интуитивно раскрываетъ *realia* и въ «Логикѣ» и въ «Феноменологіи Духа». У него нѣтъ отдѣльной «теоріи познанія»; ученіе о сущности знанія разбросано въ его сочиненіяхъ повсюду, иногда въ формѣ пропедевтическихъ разъясненій, чаще въ формѣ полемики или отдѣльныхъ, мимоходомъ даваемыхъ указаній. И все, что можно найти у него въ смыслѣ критерія интуитивистическаго объективизма, это «забвеніе о самозабвеніи» и «идентичность со всѣми индивидами».

Однако, наличность перваго, даже при всей его подлинности и полнотѣ, можетъ гарантировать только непосредственность мыслительнаго процесса и цѣльность познавательнаго состоянія, но не истинность добытаго результата. Ибо цѣлостное и непосредственно-слиянное мышленіе можетъ привести къ заблужденію, и подвигъ высшаго самоотверженія мысли, если и гарантируетъ отъ субъективныхъ искаженій, уловимыхъ для сознанія,—не обезпечиваетъ отъ скрытыхъ субъекти-

¹⁾ Срв. особенно Diff. 270.

²⁾ См. Enc. III. 147—148 (z).

³⁾ См. Enc. I. 44.

вистическихъ уклоненій: шопоты безсознательнаго лукавы и вкрадчивы, и формы навѣтовъ его неожиданны и многообразны, тѣмъ болѣе, когда рефлектирующій «Аргусъ удалился и тронулъ сонъ его глаза». Подобно этому не рѣшаетъ проблемы и второй критерій. Та «идентичность» людей, на которую указываетъ Гегель, и «всеобщность» творящагося элемента мысли, не могутъ имѣть въ его устахъ эмпирическаго значенія—фактическаго совпаденія или «согласованія» итоговъ мысли у всѣхъ людей: слишкомъ велико было его презрѣнiе къ низшей, эмпирической «всеобщности», какъ таковой. Не говоря уже о томъ, что вихрь временности и случайности, кружащій въ себѣ все эмпирическое, дѣлаетъ такое согласованiе реально невозможнымъ, и что качество «истинности» не можетъ быть гарантировано согласiемъ многихъ мнѣнiй (эмпирическая квантификація критерiя). Метафизическое же значенiе «идентичности» и «всеобщности» есть уже нѣчто изъ непровѣренной сферы погусторонняго предмета; нѣчто уже познанное тѣмъ интуитивнымъ мышленiемъ, критерiй истинности котораго тщетно отыскивается вопрошающимъ скептикомъ.

Какъ пегинный и послѣдовательный интуитивистъ, Гегель предпочитаетъ этимъ гносеологическимъ рефлексiямъ практику созерцательнаго мышленiя и отвѣчаетъ обычно на раціоналистическое требованiе доказательства—демонстрирующимъ указанiемъ на сущность видимаго имъ предмета, «показанiемъ» его, развертывающимъ обнаруженiемъ открывшагося ему объективнаго обстоянiя: жаждущій истины пусть провѣритъ развернутое подлиннымъ познавательнымъ опытомъ. Прелиминарныя сомнѣнiя гносеолога не волнуютъ и не задерживаютъ Гегеля; ищущему знанiя онъ предлагаетъ плыть вмѣстѣ съ нимъ въ стихiи предмета, покорно отдаваясь его волнамъ; склонность культивировать въ дистинкцiяхъ свое неосуществляемое мастерство, столь характерная для современныхъ методологовъ, не свойственна ему. Сила Гегеля—въ героически осуществляемомъ интуитивномъ познанiи предмета.

Но именно въ этомъ героическомъ осуществленiи спекулятивной мысли лежитъ и источникъ основнаго заблужденiя Гегеля. Пренебрежительное отношенiе къ гносеологической рефлексiи повело къ тому, что авторъ «Феноменологии Духа», интуитивно пострадавшій въ ней всѣ основныя виды сочетанiя между сознаниемъ и предметомъ, оставившій въ наслѣдство послѣдующей философи идеи феноменологическаго анализа (т.-е. интуитивно-мыслительнаго проникновенiя черезъ видимость явленiя къ его сущности),—унесъ изъ этой спекулятивной исторiи человѣческихъ заблужденiй нѣкоторую коренную феноменологическую сдвинутость и непроясненность въ своемъ

подходъ къ предмету и его познанію. Безспорно, Гегель самъ зналъ объ этой сдвинутости; но не считалъ ее за сдвигъ. Онъ сознательно практиковалъ эту непроясненность и принималъ послѣдовательно ея плоды; но полагалъ, что въ ней все ясно и что онъ доглядѣлъ здѣсь все до конца. Все его ученіе о спекулятивномъ понятіи покоится на этомъ смѣшеніи; вся сущность его діалектическаго метода вырастаетъ на этой почвѣ. Формально, не содержательно, ученіе Гегеля стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ этимъ заблужденіемъ. И пониманіе его философіи требуетъ полной ясности въ этомъ пунктѣ.

Уже тогда, когда Гегель разоблачаетъ безсиліе чувственнаго знанія и философскіе пороки конкретнаго-эмпирическаго, внимательный глазъ невольно отмѣчаетъ то обстоятельство, что аргументы его направлены почти исключительно на такъ называемый «внѣшній» опытъ, на совокупность вещей въ пространствѣ и на воспріятія, «вызванныя воздѣйствіемъ этихъ вещей» на душу человѣка. Сфера же «внутренняго чувства», выражаясь терминомъ Канта, остается обычно въ сторонѣ; Гегель рѣдко порицаетъ «временное», сосредоточиваясь преимущественно на «пространственно-временномъ»; внутренній міръ съ самаго начала получаетъ какъ бы нѣкоторое привилегированное положеніе. Это объясняется отчасти тѣмъ, что чисто временный матеріалъ меньше повиненъ въ основномъ порокѣ чувственнаго бытія и познанія—абстрактности-дискретности: время, какъ таковое, сообщаетъ тѣмъ элементамъ, которые ему причастны, нѣкоторую, хотя и не спекулятивную, но все же подвижную текучесть, взаимную связность, даже слитность. Пусть эта подвижность—ирраціональная, хаотически-сложная, лишенная мысли и имманентной необходимости. Чисто-временное все же ближе душѣ Гегеля, чѣмъ пространственно-временное, подобно тому какъ глубокомысліе его безнадежно молчитъ при видѣ «вѣчно-мертвыхъ» горныхъ массъ и открываетъ прообразъ духа въ движеніи «величественнаго» водопада ¹⁾. Но главное основаніе этого предпочтенія, конечно, въ томъ, что «внутренняя» область заключаетъ въ себѣ ту особливую, исключительную сферу спекулятивной мысли и знанія, изъ-за которой, какъ изъ-за существеннѣйшаго достоянія духа, Гегель велъ философскую борьбу. Согласно этому отдѣльныя разъясненія его постепенно выдѣляютъ изъ всей домены внутренняго міра тѣ сферы, которыя остаются причастными времени и раздѣляютъ основную судьбу конкретнаго-эмпирическаго: таковы, конечно, всѣ чувственныя ощущенія и воспріятія, какъ таковыя, созерцанія ²⁾, представленія ³⁾ и аффективно-эмоціональная группа

¹⁾ См. Reisetagebuch durch die Berner Oberalpen. Ros. 474. 478. 483. 489.

²⁾ Срв., напр., Log. III. 21. Hinr. 302.

³⁾ Срв., напр., Phän. 200. 429. 445. 519. Log. I. 136. Enc. III. 322. 330 и др.

переживаній ¹⁾). Все это остается личнымъ, субъективнымъ въ самомъ худшемъ смыслѣ ²⁾); это—та сфера, которая хотя и имѣетъ въ своей метафизической основѣ мышленіе ³⁾, но сама не поднимается въ объективную сферу послѣдняго, чуждая ему исконно и качественно.

Этой низшей и подчиненной сферѣ «внутренняго» міра рѣзко и отчетливо противостоитъ высшая и господствующая, субстанціальная сфера души—сфера мысли и въ послѣдствіи рѣшительно выдвигающаяся и примыкающая къ ней сфера воли. Если ощущенія, воспріятія, созерцанія, представленія и аффекты—личны и субъективны, то мышленіе и воля по существу своему «объективны». Если первая сфера пропитана или заражена чувственностью, то вторая сверхчувственна ⁴⁾, сверхэмпирична. Если душа, живущая въ низшихъ формахъ, пребываетъ въ конечномъ, прикрѣплена къ нему, то подъемъ къ высшимъ формамъ есть уходъ ея къ безконечному ⁵⁾. Первая сфера есть царство случайности, дурной эмпирической необходимости, несвободы, «психологическаго принужденія» ⁶⁾, напротивъ мысль и воля свободны, безусловно свободны, вполнѣ свободны ⁷⁾ или, что то же, подлежатъ исключительно собственной, имманентной имъ, духовной необходимости. Первая сфера—есть сфера души; мышленіе превращаетъ душу—въ Духъ ⁸⁾. Душа, остановившаяся на ощущеніяхъ и чувствахъ, тяготѣетъ къ животному; именно мышленіе есть то, что отличаетъ человѣка отъ звѣря ⁹⁾. Мало того: мышленіе есть признакъ, знаменующій божественное происхождение (Ursprung) человѣка ¹⁰⁾; это опредѣленіе обще человѣку съ Божествомъ ¹¹⁾. Понятно, что качественное различіе двухъ сферъ внутренняго міра вырастаетъ у Гегеля въ пропасть; на пути отъ души къ Духу сознание должно совершить нѣкій отрывъ (Abbrechung) и прыжокъ (Sprung) ¹²⁾; и въ итогѣ внутренняя жизнь че-

Представленія «Vorstellungen» занимаютъ у Гегеля иногда среднее положеніе между конкретнымъ-эмпирическимъ и абстрактнымъ-формальнымъ.

¹⁾ «Gefühle»; см. Log. III. 21. Enc. I. 37. Hinr. 302. Rel. I. 74

²⁾ Rel. I. 74.

³⁾ См. Enc. III. 111. (z.).

⁴⁾ W. Beh. 306. Enc. I. 107. Hinr. 302.

⁵⁾ Срв., напр., Glaub. 70. Log. I. 54. 148. Enc. I. 107. Enc. III. 452. Recht. 73—74.

⁶⁾ Срв., напр., W. Beh. 405. Log. I. 19. Gymn. 170. Rel. I. 74.

⁷⁾ Срв., W. Beh. 405. 406. Gymn. 170. Log. I. 61 148. Enc. I. 20. 22. 25. 44. Enc. III. 163—164. 232. 322. 452. Ph. G. 16 и др.

⁸⁾ См. Enc. I. XXII.

⁹⁾ Свр. Phän. 55. Enc. I. 4. 5. 107. Enc. III. 111. Ph. G. 11 и др.

¹⁰⁾ Hinr. 281.

¹¹⁾ Ph. G. 38.

¹²⁾ Enc. I. 107.

ловѣка развертывается въ таинственный симбіозъ безконечнаго и конечнаго.

Въ этомъ общемъ и основномъ пониманіи души, выдвинутомъ въ ученіи Гегеля, замѣчательно то, что извѣстныя реальныя, живыя состоянія реальной душевной ткани, какъ таковыя, вводятся и включаются въ составъ метафизической духовной субстанціи; онѣ, не теряя своихъ характерныхъ свойствъ «жизни» и «сознательности», входятъ въ ткань Духа. Это есть, глядя эмпирическимъ окомъ снизу, все еще душа; но по существу и по достоинству и по другимъ, указаннымъ свойствамъ, это уже Духъ. Грань между объективнымъ и субъективнымъ элементами мысли проводится Гегелемъ въ предѣлахъ реальнаго живого сознанія человѣческой души. Сознаніе, живущее въ предметѣ, если оно погружено въ предметъ самозабвенно, есть уже царство предмета, есть уже самъ предметъ: познавательно открывающееся подлинное духовное состояніе. Самозабвенное сознаніе, интуитивно слившееся съ мыслимымъ предметомъ, есть все же сознаніе, хотя и не конечное-эмпирическое-человѣческое; оно, правда, забыло о себѣ и о своихъ актахъ, но оно осталось сознаніемъ; бессознательность, свойственная созерцанію, есть освобожденіе отъ «себя», отъ случайно-личной, ограниченно-индивидуальной субъективности; однако, это не смерть сознанія, но лишь сліяніе его съ предметомъ. Все это можно представить себѣ такъ, что предметъ какъ бы «вливается» въ стихію освобожденнаго отъ дурной субъективности сознанія, заполняетъ ее, овладѣваетъ ею, творитъ себя въ ней. Предметъ живетъ въ видѣ сознанія, а сознаніе живетъ въ видѣ предмета. Предметъ развертываетъ себя въ элементѣ сознанія, въ его средѣ, въ его стихіи, въ его средствахъ; предметъ какъ бы выражаетъ себя въ функции сознанія. При всемъ этомъ здѣсь нѣтъ двойственности, двухъ началъ, но одно единое: сознанный предметъ и предметное сознаніе стоятъ въ неразрывномъ смѣшеніи и сліяніи,—въ «тождествѣ». Слившись съ предметомъ, сознаніе получаетъ отъ него объективность, сверхчувственность, безконечность, свободу, духовность и божественность; слившись съ сознаніемъ, предметъ получаетъ отъ него сознательность, жизнь и «подвижность». Въ итогѣ слагается нѣчто новое, дотолѣ не бывшее: объективная субъективность или субъективная объективность—тождество субъекта и объекта—субъектъ-объектъ.

Феноменологически говоря, необходимо признать, что «самозабвенная жизнь въ предметѣ» есть не что иное, какъ именно *modus vivendi* человѣческой души. Правда, такой *modus vivendi*, который лишаетъ терминъ «человѣческаго» и терминъ «души» всѣхъ одіозныхъ свойствъ и оттѣнковъ: «человѣчскій» есть уже не человѣчески-животный, но

человѣчески-божественный; «душевный» есть уже не душевно-временно-личный, но душевно-сверхвременно-сверхличный,—душевно-духовный. Это значитъ, что въ предѣлахъ «человѣческой души» (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) есть «душевно-животное» и «душевно-божественное», и что, слѣдовательно, спекулятивное мышленіе, созерцающій разумъ, научное познаніе, философія—все это есть духовный *modus vivendi* души. Или иначе: это есть *modus vivendi* Духа въ «душѣ», предмета въ сознаніи. Если подойти къ этому новому образованію отъ обычной точки зрѣнія, то оно окажется состояніемъ души, ушедшей въ предметъ; если же опредѣлить его со спекулятивной стороны, то оно окажется состояніемъ предмета, нашедшаго себя въ элементѣ сознанія.

Если принять все это во вниманіе, то основная феноменологическая ошибка Гегеля, надъ обнаруженіемъ которой въ свое время такъ много потрудился Тренделенбургъ, окажется понятной. «Сознать предметъ» означаетъ въ предѣлахъ спекулятивной философіи—«мыслить предметъ». Мыслимый же предметъ, предметъ мысли—есть смыслъ. Поэтому все то, что было установлено примѣнительно къ «предмету» и «объекту», относится по существу къ смыслу. Тождество «субъекта» и «объекта», или «сознанія» и «предмета», есть сліяніе мышленія и смысла. Реальное душевное событіе, актъ сознанія, живой процессъ живущей души, по основному принципальному опредѣленію Гегеля, сливается въ неразличимое метафизическое единство съ мыслимымъ предметомъ смысломъ. Разъ навсегда и категорически спекулятивный философъ отказывается отъ разъединенія этихъ двухъ сторонъ: мышленіе смысла и мыслимый смыслъ суть для него принципально одно и то же, единое, неразрывное духовное нѣчто¹⁾. Мышленіе смысла, этотъ *modus vivendi* человѣческой души, есть по его ученію не что иное, какъ самый мыслимый смыслъ; всякое иное, разъединяющее пониманіе «мысли»—есть продуктъ дурной разсудочной рефлексіи, ошибка и заблужденіе. Состояніе души, интенсивно и самозабвенно погружившейся мыслью въ содержаніе смысла, есть самый смыслъ, нашедшій себя въ элементѣ самозабвенно мыслящей души. Нельзя разсматривать мышленіе отдѣльно, а смыслъ отдѣльно, ибо тогда мышленіе будетъ дурнымъ, субъективнымъ, ограниченно-личнымъ мышленіемъ, а смыслъ—дурнымъ, абстрактнымъ, мертвымъ понятіемъ. Вся критика формальной абстракціи, данная Гегелемъ, покоится на необходимости сочетанія, сращенія, сліянія этихъ обычно отрываемыхъ другъ отъ друга сторонъ. Вся сущность спе-

¹⁾ Срв., напр., Phän. 151.

кулятивной мысли состоитъ въ отказѣ отъ этого разрыва и въ исповѣданіи неразличимаго единства мышленія и смысла.

Это исповѣданіе ведетъ къ необычайно существеннымъ и глубокимъ послѣдствіямъ. Оно отрицаетъ въ корнѣ все философское умонаправление, столѣтіями работавшее надъ приспособленіемъ мышленія къ специфической сущности предмета; психологія мышленія и логика смысла суть науки, съ самаго начала объявляемыя у Гегеля ложными. Въмѣсто нихъ Гегель пытается создать чрезвычайно своеобразную метафизическую «психо-логику мышленія, самозабывшагося въ смыслѣ». Спекулятивный философъ категорически не признаетъ категоріальной специфичности душевнаго переживанія, съ одной стороны, и смыслового обстоянія, съ другой, за послѣднее слово научной философіи. Пусть это категоріальное своеобразие, согласно которому мышленіе есть нѣчто психическое, субъективное, временное, реальное, находящееся въ процессѣ, конкретное, единичное и неповторяемое, а смыслъ есть нѣчто сверхпсихическое, объективное, сверхвременное, идеальное, тождественное, абстрактное, всеобщее, повторяемое ¹⁾—пусть это категоріальное своеобразие признается въ низшей, подчиненной сферѣ разсудочнаго чистилища, подготавлиющаго элементы и атомы для истинной философіи. Пусть все это будетъ вѣрно для разсудочной сферы и въ формальной логикѣ; для спекулятивной философіи это не болѣе, какъ отринутая ошибочность. Поэтому передъ Гегелемъ и встаетъ необходимость разрѣшить такъ или иначе вопросъ о «мнимой» всеобщезначимости законовъ формальной логики и категорій, конституирующихъ формальное понятіе: категорій идеальности, всеобщности, тождества и абстрактности. И разрѣшеніе этого вопроса состоитъ въ томъ, что онъ придаетъ имъ новый, свой смыслъ, опредѣляющійся тѣмъ, что онѣ суть категоріи уже не разсудочной, а созерцательной мысли. Онѣ слагаются въ новыя, своеобразныя, высшія категоріи, господствующія надъ противопоставленіями и дистинкціями разсудка и примиряющія каждый разъ въ своемъ содержаніи обѣ различныя стороны. Если мышленіе реально, а смыслъ идеаленъ,—то понятіе Гегеля и идеально, и реально, т.-е. идеальность его такова, что совпадаетъ съ реальностью. Если мышленіе единично (какъ временный актъ сознанія единичнаго индивида), а смыслъ всеобщъ — то понятіе Ге-

¹⁾ Я разумѣю идею смысла въ томъ предварительно, но въ интуитивномъ отношеніи адекватно, указанномъ значеніи, которое формулировано въ критической работѣ Н. Вок а чъ «Зигвартъ и проблема логики». «Вопр. Фил. и Псих.», книга 109 и 110.

гегеля и всеобще и единично, т.-е. всеобщность его такова, что включает въ себя единичность. Если мышление стоит въ процессѣ, а смыслъ самъ себѣ тождественъ, — то «понятіе» Гегеля и тождественно и стоитъ въ процессѣ, т.-е. тождественность его такова, что не исключаетъ измѣненія. Наконецъ, если мышление конкретно, а смыслъ абстрактенъ, — то понятіе Гегеля и абстрактно и конкретно, т.-е. абстрактность его такова, что причастна въ то же время конкретности. Понятіе Гегеля есть своеобразная реальная идеальность, или идеальное сущее; всеобщее въ единичномъ, или единичная всеобщность; тождество въ процессѣ или процессъ тождественнаго; конкретизирующаяся абстракція, или конкретность въ элементѣ абстрактнаго. Всѣ эти съ виду парадоксальныя или какъ бы играющія словами опредѣленія должны быть приняты съ глубокой серьезностью, какъ того и требовалъ самъ Гегель: въ нихъ нѣтъ ни вымысла, ни злокачественной туманности, но цѣльная и глубокомысленная, хотя нынѣ уже не пріемлемая теорія понятія.

Согласно этой теоріи мышление и смыслъ, слившись воедино, образуютъ живой, движущійся смыслъ, понятіе, мѣняющееся въ содержаніи своемъ. Тогда какъ современный логикъ готовъ допустить процессъ въ мышленіи, но не въ смыслѣ, — созерцающее мышление, ушедшее въ смыслъ, вноситъ въ него начало процесса. Героическая интуиція Гегеля права въ стремленіи своемъ замереть въ мыслительномъ созерцаніи смысла; однако, она не ограничивается этимъ, но обогащаетъ смыслъ собою, вноситъ въ него себя, со своими свойствами, атрибутами и категоріями, и тѣмъ самымъ мѣняетъ его природу. И въ результатъ этого смыслъ, сохраняя всю видимую объективность свою, обнаруживаетъ рядъ свойствъ, совершенно непостижимыхъ для неподготовленнаго ума. Смыслъ начинаетъ жить такъ, какъ это свойственно только живому мышленію; а мышление получаетъ такую объективность, такія свойства, которыя присущи только смыслу. При этомъ о мышленіи, въ сущности говоря, уже нельзя спрашивать, «чье» это мышление? Ибо субъективно-индивидуальное отмерло и отсутствуетъ въ этой сферѣ; порядокъ вещей, при которомъ кто-то мыслить въ своей душѣ что-то — отвергнуть и ликвидированъ. Точно такъ же о «понятіи» нельзя спрашивать, «отъ чего оно отвлечено?» Ибо понятіе «отвлекается отъ чего-нибудь» только въ разсудочномъ мышленіи, съ которымъ уже покончено. Спекулятивное мышление слѣдуетъ, дескриптивно говоря, представлять себѣ такъ: мозаично погруженной въ предметъ мысли открывается нѣкоторый смыслъ; кромѣ этого смысла ничего нѣтъ; есть только онъ одинъ; въ немъ обнаруживается измѣненіе; еще измѣненіе; еще измѣненіе; смыслъ,

подобно растенію или животному, оставаясь все тѣмъ же смысломъ, мѣняется и въ измѣненіи своемъ обнаруживаетъ извѣстную закономѣрность. Все это совершается въ понятіи, объективномъ, сверхвременномъ; не въ душѣ, мыслящей о понятіи, а въ самомъ понятіи, въ самомъ смыслѣ. Наука рассказываетъ въ точныхъ и адекватныхъ словахъ о томъ, какъ мѣняется понятіе; и въ этомъ все.

Однако сущность тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваетъ природа смысла въ ученіи Гегеля, этимъ не исчерпывается. Понятія не только опредѣляются иными категоріями, но и представляются, переживаются иначе; и это не можетъ не имѣть своихъ глубокихъ метафизическихъ послѣдствій. То своеобразное сочетаніе мыслительной и воображающей дѣятельности души, которое Гегель называетъ «спекулятивнымъ мышленіемъ», не можетъ уже удовлетвориться сухимъ и чистымъ мыслимымъ содержаніемъ—безобразнымъ смысломъ. Созерцательность мышленія состоитъ не только въ самозабвенномъ погруженіи мысли въ ся предметъ; если бы все сводилось только къ этому, то мысль осталась бы мыслью, и категоріальная специфичность ея предмета—«смысла» не могла бы не броситься въ глаза. Логикъ нашихъ дней, единожды усмотрѣвшій и съ надлежащей послѣдовательностью продумавшій все категоріальное отличіе смысла отъ мышленія, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что смыслъ самъ по себѣ не «живетъ» и не «мѣняется», и что если «понятіе» представляется именно съ этими и аналогичными свойствами, то мышленіе осложнено работой другихъ душевныхъ силъ, а смыслъ обремененъ чужероднымъ для него, напр., конкретно-созерцательнымъ или образнымъ ингредиентами. Гегель не только не думаетъ отрицать этого осложненія и обремененія, но, наоборотъ, настаиваетъ на ихъ правомѣрности и философской необходимости. Мышленіе одно, какъ таковое, оторванное отъ силы воображенія, отъ «творческой силы воображенія»¹⁾, есть мышленіе дурное, разсудочное, и продуктъ его—мертвая неподвижная абстракція. Конечно, эта творческая сила воображенія должна быть направлена не на чувственные содержанія, но на сверхчувственные образы: мышленіе есть «сверхчувственное внутреннее созерцаніе»²⁾. Мышленіе отнюдь не должно вырождаться въ обычное фантазированіе, практикуемое въ жизни, а нерѣдко даже въ искусствѣ и въ религіи. Мышленіе, оставаясь мышленіемъ, должно срастись съ творческой фантазіей. Но сила воображенія, разъ она воспринята въ мышленіе, не можетъ не внести своихъ элементовъ въ предметъ, который ей или въ ней открывается. Смыслъ неминуемо долженъ потерять свою безобразность и стать

¹⁾ Срв Glaub. 42. 46. 92. 154.

²⁾ Log. III. 332.

образнымъ, чѣмъ-то такимъ, что самъ Гегель называетъ «dem innern Auge Sichtbares» ¹⁾).

Если принять во вниманіе тотъ строгій интуитивистическій объективизмъ, который такъ характеренъ для Гегеля, то не можетъ возникнуть сомнѣній, что онъ дѣйствительно усмотрѣлъ въ природѣ понятія все то, что онъ о немъ высказалъ. Но въ такомъ случаѣ «понятіе» Гегеля только и можетъ быть образнымъ смысломъ, т.-е. такимъ смысломъ, который сросся съ воображаемымъ, можетъ быть «типичнымъ» реальнымъ обликомъ, соотвѣтствующимъ содержанию этого смысла и носящимъ въ повседневномъ обиходѣ его имя (напр., понятіе храма—«храмъ», и предносящійся воображенію образъ храма тоже—«храмъ»). Этотъ обликъ, созерцаемый въ воображеніи, навѣрное, обнаружитъ при надлежащемъ проявленіи и закрѣпленіи его чертъ сходство или даже совпаденіе съ реальными воспринимавшимися обликами чувственныхъ предметовъ: общій и неопредѣленный обликъ «храма» окажется, напр., эклектическимъ воспроизведеніемъ соборовъ Майнца, Альбі и Палермо; образъ «повиновенія» или «семьи» окажется составившимся изъ имѣющихся въ душѣ реальныхъ представленій о различныхъ случаяхъ—проявленной покорности или единенія людей на основѣ кровнаго родства. Однако, эти воображаемые образы или облики могутъ оставаться внѣ проявленія и закрѣпленія, въ нѣкоторой общности и неопредѣленности, не теряя своего образно-реального характера и находясь во строгомъ соотвѣтствіи съ существенными чертами одноименнаго смысловаго содержания. Само собой понятно, что Гегель имѣетъ въ виду не это простое соотвѣтствіе, какъ бы строго и адекватно оно ни было выдержано, но тождество смысла и образа. Мышленіе и воображеніе, послѣ сращенія своего, имѣютъ единый предметъ; и въ этомъ предметѣ смыслъ совпадаетъ съ образомъ; смыслъ «облеченъ» во образъ; смыслъ есть образъ; образъ есть смыслъ. Завершенная наука требуетъ, по выраженію Гегеля, чтобы созерцаніе (*Anschauung*) и образъ (*Bild*) были соединены съ логическимъ (*mit dem Logischen vereinigt*) ²⁾ въ одно единое образованіе. Философія, мысля предметы, видитъ ихъ; она мыслитъ ихъ какъ бы во очію. Спекулятивная мысль всегда имѣетъ передъ собою въ лицѣ понятія тотъ «сверхчувственный» (т.-е. недоступный внѣшнимъ чувствамъ, «dem äussern Auge») образъ предмета, который нѣкогда плѣнилъ Платона. Этотъ образъ присутствуетъ въ мысли, незримо зримый оку воображенія; смыслъ растворенъ въ немъ, воплощенъ въ немъ, какъ въ своемъ неотъемлемомъ элементѣ.

¹⁾ Log. III. 175.

²⁾ W. Beh. 324.

Для того, чтобы понимать Гегеля, необходимо сдѣлать въ душѣ нѣкое творческое усиленіе, насыщающее мысль работой воображенія: надо увидѣть воображеніемъ то, о чемъ мыслить душа. Когда Гегель говоритъ, напр., въ началѣ логики о «бытіи» (Sein),—слѣдуетъ имѣть въ виду не отвлеченнѣйшую категорію, съ едва уловимымъ для мысли содержаніемъ, но и не совокупность конкретнаго-эмпирическаго «мірового» бытія. Необходимо представить, вообразить себѣ нѣкое сущее, реальное бытіе, бытіе, которое есть, но лишено всякихъ дальнѣйшихъ смысловыхъ опредѣленій; оно имѣетъ минимумъ спекулятивно-логическаго содержанія, такой минимумъ, который по пустотѣ своей вскрывается въ «ничто» (Nichts). Но и это «ничто» слѣдуетъ представить себѣ силою воображенія, какъ сущее ничто, какъ ничто, которое не есть совсѣмъ и безусловно отсутствіе предмета, но есть сущій смыслъ «des Nichts». Въ этихъ сущихъ смыслахъ «бытія» и «ничто» и обнаруживается процессъ взаимныхъ обнаруженій другъ въ другѣ, сливающихся ихъ въ «становленіе» (Werden). Лишь при такомъ подходѣ и пониманіи можетъ удался мышленіе вмѣстѣ съ Гегелемъ, несмотря на принципиальное исповѣданіе его ошибочности. Здѣсь происходитъ своеобразная эстетизація мысли, какъ это справедливо восчувствовалъ Тренделенбургъ, и понять ее нельзя безъ ея воспроизведенія. Тогда только философствованіе Гегеля откроетъ не только свою рационалистическую сторону, обращенную къ понятію, къ смыслу и къ признанію его субстанціальности въ бытіи и въ знаніи; но и свой ирраціоналистическій, созерцательно-фантастическій аспектъ, сближающій его съ философами-романтиками всѣхъ вѣковъ. Тогда только его философствованіе предстанетъ въ своемъ истинномъ характерѣ мыслящаго ясновидѣнія, или мистическаго мышленія, и станетъ понятнымъ тяготѣніе Гегеля къ тому, чтобы развернуть данное ему логическое откровеніе въ подлинную и всеобъемлющую религію мысли.

Отсюда ясно то коренное расхожденіе, которое обнаруживается между современной логикой, ведущей свое начало отъ Канта, Гербарта и Больцано, и логической концепціей Гегеля. Ясно также, въ чемъ состоитъ основная феноменологическая ошибка Гегеля, срастившаго мышленіе и смыслъ въ единое и нераздѣльное метафизическое образованіе. Въ результатѣ этого цѣлые слои душевныхъ состояній испытывались и трактовались Гегелемъ, какъ куски или отрывки самого предмета въ его сверхчувственной жизни; а смыслъ, впитавшій въ себя жизнь души, разсматривался, какъ живое, самопочинно мѣняющееся и развивающееся духовное начало. Сознаніе становилось сознаннымъ смысломъ, а смыслъ составлялъ подлинную ткань сознанія. Но именно съ этой точки зрѣнія

является естественнымъ, что Гегель совершенно не зналъ и не признавалъ трансцензуса, какъ такового. Если трансцендентное есть нѣчто недоступное познанію, т.-е. предметъ, сознанію потусторонній, то ясно, что предметъ, который имѣется въ виду въ философіи Гегеля, не трансцендентенъ. Смысль и мышленіе тождественны и нераздѣльны; предметъ и сознаніе не только подчинены общимъ категоріямъ, но суть нѣчто строго единое. Сознаніе есть основной и неотъемлемый элементъ, въ которомъ живетъ и развертывается предметъ. Не только предметъ «открытъ» или «извѣстенъ» сознанію; но сознаніе есть *modus essendi* предмета. На протяженіи своего ученія Гегель показываетъ, что предметъ философскаго познанія (Понятіе, Духъ) имѣетъ различныя формы бытія, но что высшій видъ его—это бытіе духа въ философскомъ сознаніи. Въ этой формѣ предметъ слитъ съ сознаніемъ, тождественъ съ нимъ; точнѣе—сознаніе слито съ предметомъ, или мышленіе имманентно смыслу. Воспринимая до извѣстной степени ту постановку вопроса, которая была выдвинута Кантомъ, Гегель связываетъ познаваемость абсолютнаго, «вещи въ себѣ», съ возможностью созерцать мыслью или мыслить созерцательно. Согласно этому спекулятивная мысль должна познавать абсолютное, или вещь въ себѣ. Но такъ какъ спекулятивная мысль есть прежде всего мысль, и предметъ ея есть понятіе, смыслъ, то смыслъ и оказывается «абсолютнымъ», или «вещью въ себѣ». «Понятіе», говоритъ Гегель, «есть истинная вещь въ себѣ или Разумное (*das Vernünftige*)» ¹⁾. Истинное познаніе познаетъ предметъ такимъ, каковъ онъ самъ по себѣ ²⁾, ибо понятіе, мысль—есть само Абсолютное ³⁾. Это уже не тѣ «вещи въ себѣ», которыя «лежатъ подобно дикимъ звѣрямъ за кустомъ явленія» ⁴⁾, какъ это было у Канта; это уже не «абстрактныя, оторванныя отъ всякаго содержанія тѣни» ⁵⁾,—но Абсолютное, открытое, откровенное сознанію именно потому, что оно само существуетъ, выражаясь терминомъ Спинозы, въ атрибути сознанія. Именно поэтому оно не можетъ быть ни заслонено отъ сознанія, ни приближено къ нему никакимъ орудіеобразнымъ или медіумоподобнымъ актомъ познанія ⁶⁾. Познаніе, если оно есть истинное познаніе, не оторвано отъ Абсолютнаго и не противо-

¹⁾ Log. III. 85—86.

²⁾ Log. I. 31.

³⁾ Срв. Log. II. 6. Log. III. 213., а также Enc. I. 22.

⁴⁾ Skept. 127—128.

⁵⁾ Log. I. 32. Срв. Enc. I. 95.

⁶⁾ Phän. 59—60.

стоитъ ему ¹⁾); напротивъ: наука есть истинная наука только черезъ наличность или присутствіе въ ней Абсолютнаго ²⁾).

Итакъ, мысль (т.-е. мышленіе, тождественное смыслу) есть подлинный абсолютный предметъ познанія; это есть объектъ (смысль), включившій, впитавшій въ себя субъектъ (мышленіе) и благодаря этому самъ по себѣ обладающій способностью развернуть свое содержаніе въ имманентномъ ему элементѣ сознанія. Иными словами, это есть смыслъ, или смысловое содержаніе, которое уже не кѣмъ-нибудь мыслится, но само себя мыслить и само себя созерцаетъ ³⁾). Сознаніе не внѣ его, новъ немъ самомъ. Тотъ, кто хочетъ понять Гегеля не только снизу или экзотерически, но сверху или эзотерически, т.-е. не только мыслить о его философіи, но мыслить въ ней и съ нею, тотъ долженъ до конца усвоить себѣ представленіе, что уходъ сознанія въ предметъ не есть познавательное ухищреніе человѣческой души, методологическій приѣмъ, уловка нашего сознанія, но нѣчто несравненно большее; не эмпирическое, душевное, но метафизическое, духовное событіе. Весь порядокъ вещей, какъ уже сказано, мѣняется. Нѣтъ болѣе «моей души», попытавшейся и научившейся спекулятивно мыслить; есть только самъ смыслъ, само понятіе. Это понятіе само по себѣ, какъ таковое, ни въ чемъ не нуждаясь и не отъ кого не завися, аб-солютно (отъ *absolvere*), живетъ, измѣняется и развивается. Оно не только предметъ для сознанія, оно—предметъ вмѣстѣ съ сознаніемъ; оно само есть свой субъектъ и само есть свой объектъ. Оно само сознаетъ себя, какъ само себя измѣняющее и развивающее. Въ этомъ оно отличается отъ Абсолютнаго — Я, выдвинутаго въ «Наукоученіи» 1794 года Фихте-старшимъ: абсолютное Я первоначально только самополагалось ⁴⁾), не обладая сознаніемъ; оно оставалось въ до-сознательной сферѣ человѣческаго духа, ибо съ точки зрѣнія Фихте актъ сознанія, рефлексіи—обусловилъ бы его и лишилъ бы его абсолютности. У Гегеля не то. «Понятіе» абсолютно самодѣятельно и въ этомъ подобно монадѣ Лейбница и абсолютному субъекту Фихте-старшаго; но самодѣятельность его есть сознательная, самосознающая самодѣятельность, и при всемъ томъ оно остается «п о н я т і е м ъ».

¹⁾ Phän. 61.

²⁾ W. Beh. 324.

³⁾ Срв. характерныя формулы Glaub. 15. 19. 41. 45., гдѣ Гегель настаиваетъ на необходимости соединять не «Denken» съ «Anschauen», но «Begriff» съ «Anschauen», напр.: «Anschauen in den Begriff aufnehmen».

⁴⁾ См. I. G. Fichte. Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre. Tübingen. 1802. S. 9. Я пытаюсь показать это въ статьѣ «Кризисъ идеи субъекта въ Наукоученіи Фихте-старшаго». «Вопр. фил. и псих.» кн. 111 и 112.

Подобно тому акту самосознанія, который извѣстенъ каждому по внутреннему опыту,—когда предметомъ «моей» мысли является вѣчто, непосредственно относящееся къ сферѣ моего «я»—«понятіе», какъ таковое, пребываетъ неизмѣнно въ состояніи обращенности на себя. Въ этомъ неизмѣннѣи иного объекта, кромѣ себя, и иного субъекта, кромѣ себя; въ этомъ неизмѣннѣи инобытія—и состоитъ его абсолютность, его безконечность и его свобода. Эмпирикопсихологическое тождество субъекта и объекта отходитъ на второй планъ, меркнетъ и теряетъ всю свою важность. На первый планъ выдвигается метафизико-онтологическое тождество субъекта-объекта. Въ немъ лежитъ центръ тяжести всей философіи Гегеля; оно есть принципъ ея и сущность; ради него и черезъ него жизнь есть жизнь и философія есть философія. Сущность же самаго этого принципа и содержаніе самой этой сущности формулируются терминомъ спекулятивной конкретности субъекта-объекта, сознанія и предмета, мышленія и смысла,—Понятія.

Понятно, наконецъ, какія глубокія измѣненія должны обнаружиться въ метафизическомъ строеніи и характерѣ Понятія, если оно одарено самосознаніемъ и самодѣятельностью. Не было бы никакого преувеличенія, если бы кто-нибудь сказалъ, что пониманіе спекулятивнаго понятія требуетъ прежде всего полного отрѣшенія отъ того, что именуется «понятіемъ» въ обычной логикѣ. Можетъ быть, лучше всего было бы ориентироваться въ этомъ пониманіи на идеѣ формы у Аристотеля, тѣмъ болѣе, что самъ Гегель не разъ отзывается съ глубокимъ сочувствіемъ о философскомъ ученіи Стагирита. Во всякомъ случаѣ для того, чтобы понимать ученіе Гегеля, необходимо перестроить въ сознаніи своемъ всѣ основныя категоріи, опредѣляющія совмѣстно логическую сущность понятія.
